

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С о д е р ж а н и е:

Первое Мая.
Письма о пережитом.
Памяти Льва Черного (Стихотворение)
Голландский доклад.
Стихотворение.
О высшей школе в России.
Махновщина и антисемитизм.
Воззвание группы русских анархистов

в Германии.

Анархизм ликвидирован.
Достижения Конгресса.
Корреспонденции:
а) — Протест и требование.
б) — Резолюция из Аргентины.
Отчеты и заявления.

ОТЧЕТ РЕД. КОЛЛ. С 1-ГО	Д-т гр. № 1.	—	7.50	Высл. в Гер. пом. анар.	100.00
ПО 30 АПРЕЛЯ.	И. Б. Фонд	—	1.00	Пересылка	— 5.45
Приход:	И-л Ф-с	—	3.75	Итого	— 324.76
За "Волну"	П. Лезник	—	1.20	Приход	— 768.10
С Б-гм	Вурчестер	—	3.60	Расход	— 324.76
Ф-фия	Нью Йорк	—	47.30	В кассе на 1-е Мая	— 443.34
" гр. № 1.	Итого	—	372.60		
" " № 2	Помощь Анарх.	—	—		
У-стер	Б-ре	—	6.00	Е-т	— 23.75
Д-т	Г. В. О-во Гор. Б-ра	—	16.73	ОТЧЕТ ГОР. ДЕТРОИТА	
" Фонд "В."	Н. К-л	—	50.00	По содержанию семейства раз'	
Б-ре	Итого	—	72.73	ездного агитатора.	
Р-да В-р-ния	За Литературу	—	—	Приход:	
Б-ло С. Р. Р. фонд "В."	Н. Г-н	—	11.10	Поступило от Ред. Кол	— 83.00
О-д К.	Амер. Изв.	—	25.00	оставш. от раз'езд. агит.	— 30.32
Н. Г-н	Итого	—	36.10	Итого	— 113.32
А-ния	Общий приход:	—	—	Расход:	
Н. Гц	За Литературу	—	36.10	Выдано на содержание семейст	
А-ния	" Волну	—	372.60	ва: от 21 д. по 19 фев.	— 210.00
М-дан	" Помощь Анарх.	—	72.73	Выдано на проезд агитат.	— 30.00
Нор-ч	В кассе на 1-е Апреля	—	286.67	Итого общ. приходу	— 113.32
И-ко Ф-с	Итого	—	768.10	"...общ. расходу	— 240.00
И-л Ф-с	Расход:	—	—	Всего расходовано	— 126.68
Бе-со А-на С. Р. Р.	Печ. и бумага № 28	—	100.00	Р. S. Вся сумма израсходован	
Р-честер за "В." литер.	Набор и машины	—	60.00	ная детройтским районом по со	
Н. К-л Фонд "В."	Пересылка	—	20.15	держанию семейства тов. агит	
Е-т	Пересылка № 27	—	5.16	татора, взята из литературного	
Е-т	Упложено за В. Г.	—	34.00	фонда.	

Опять весна...
да... Опять жизнь
день красоты, де
рода, как собрав
ит нарядившись
от хвалебных гим
це особенно мягк
когда всякая тва
любуется. Поистин
Всюду жизнь, все
Все проснулось, н
землей и над земл

Дорог этот день
рабочего класса, н
му все еще нет вес
И настолько дорог,
дней, он приобрел
Праздника Труда и
уже достаточно, дл
серьезности этого дн
венного рабочего де
ческих" республиках
ществует "рабочий
первый понедельник
до сказать, что неко
или очень при этом щ
броту" и моральность
стой факт, что все эти
а даны свидетельству
личного рабочего не при
своих исконных враг
хоть мало-мальски пол
меркнет и звезды пад
зойдет последнее. Но
для рабочего класса
значения. Как общее
как индивидуума, так
ценно и дорого то, на
чивается трудов и э
больше всего связано с

ПЕРВОЕ МАЯ.

Опять весна... Опять цветы... Опять отрада... Опять жизнь... Опять Первое Мая... Опять день красоты, день прелести. День, когда природа, как собравшаяся к венцу невеста, стоит нарядившись в цветы; когда воздух дрожит от хвалебных гимнов певчих птичек; когда солнце особенно мягко и нежно ласкает все земное; когда всякая тварь торжествует, славословит и любит. Поистине велик и животворен день! Всюду жизнь, всюду счастье, всюду радость... Все проснулось, все ликует... На земле, под землей и над землей—лется пир на весь мир.

Дорог этот день всемирного торжества и для рабочего класса, не смотря на то, что последнему все еще нет весны, нет солнца, нет эфира... И настолько дорог, что, в отличие от остальных дней, он приобрел название "Рабочего Дня", Праздника Труда и т. д. Одних этих названий уже достаточно, для определения важности и серьезности этого дня для рабочих; этого единственного рабочего дня. Правда, в "демократических" республиках, ради вывески, тоже существует "рабочий день" (напр., в Америке первый понедельник в сентябре месяце). И надо сказать, что некоторые защитники буржуазии очень при этом щеголяют, указывая на "доброту" и моральность буржуазии. Но тот простой факт, что все эти "рабочие дни" не взяты, а даны свидетельствует, что они, кроме вреда, ничего рабочим не приносят. Ведь нельзя же от своих исконных врагов ожидать чего-нибудь хоть мало-мальски полезного! Скорее солнце померкнет и звезды падут на землю, чем произойдет последнее, но даже если действительно нечто такое могло случиться, то и тогда бы оно для рабочего класса не представляло особого значения. Как общее правило, для человека, как индивидуума, так и коллектива, особенно ценно и дорого то, на что больше всего затрачивается трудов и энергии, тем более—что больше всего связано с муками и страданиями.

Из этих то соображений и вытекает вся важность и ценность Первого Мая для рабочих. Рабочие не получили, а взяли этот день, и взяли дорогой ценой. Дорого рабочим стоит этот день, но за то и сам он дорог. Пришедший в муках и лишениях, он в то же время стал как бы искупителем тех же мук и страданий. Рабочие видят в нем залог своего будущего, залог Хлеба и Воли. Подобно природе свободной в этот день от оков зимы, рабочие освобождаются в этот день от рабской упряжи—не идут работать в капиталистические предприятия, стараясь хоть один день в году использовать в своих интересах, а не в интересах эксплуататоров.

Еще за долго до того дня, в стане буржуазии витает призрак тревоги и опасения. Братья рабочего класса, чувствуя свою подлость, свою виновность всех бедствий и невзгод рабочих, дрожат при приближении Первого Мая, как дня возмездия. История их учит, что это один из самых ненадежных, один из самых опасных дней. К этому дню они мобилизуют все свои темные силы; проникают, при помощи интрижки, во все щели и трещины рабочих организаций, с целью пронюхать, что называется, настроение рабочих; и, в случае, "благоприятных" для себя обстоятельств, провоцируют самым наглым образом рабочих, к кровопролитию, делая при этом самые гадкие подлоги, чтобы иметь большую возможность для расправы с непокорными рабами. Буржуазия любит (как кабатчик пьяницу) лишь слепых и глупых тварей, нарушающих же рабскую покорность—отказывающихся работать Первого Мая и других к этому призывающих—она старается при первой возможности отправить на тот свет.

Не проходит и одного года, чтобы Первого Мая, в той или иной части света не лилась рабочая кровь. История этого дня, не смотря на свою краткость (около 35 лет), на всем протяжении обильно полита кровью и усеяна

могилами борцов за великое дело—освобождение рабочих.

Первые мученические венцы, первые цветки в венке Первого Мая, выпали на долю американских рабочих гор. Чикаго. В 80-х годах прошлого столетия в Америке, как неизбежно явление капиталистической системы, царил страшный промышленный кризис. Многие рабочие буквально голодали, несмотря на то, что Америка самая богатая страна. Чтобы облегчить участь своих голодных братьев, рабочие, имеющие "счастье" работать, решили требовать введения во всех индустриях восьмичасового рабочего дня, надеясь, таким образом, дать возможность некоторым безработным получить работу. Несмотря на всю скромность этих требований (теперь, при наличии восьмичасового рабочего дня и его последствий, подобные требования не заслуживают даже обращения на них внимания, но в 80-х гг. прошлого столетия дело обстояло иначе, к тому же ценность этих требований заключалась еще в том, что они были требования — дерзость и смелость), анархисты приложили все старания, чтобы они не вылились в форму холонокских просьб, а сохранили бы достоинство своего уважения. Официальным днем этих требований было назначено 1-ое мая 1886 г. Наступило 1-ое мая и сотни тысяч рабочих прекратили работы. Буржуазия, конечно, заупорствовала. Борьба закипела. Как и всегда бывало во время забастовок, буржуазия, при помощи полиции и скебов, старалась продолжать функционирование фабрик и заводов. Недалеко от одного из таких заводов, на котором работали скебы, рабочие 3-го мая имели митинг (следует заметить, что в то время купчая американская свобода разрешала уличные митинги), и вот когда по окончании работ продажные твари начали выходить из заводов, бастующие рабочие пытались разъяснить им обоюдную вредность их заблуждения. Завязались горячие споры. Вскоре вмешалась полиция—и через несколько минут, десятки рабочих корчились в предсмертных муках на холодных мостовых. Такой мерзкий поступок со стороны фабрикантов, как и следовало ожидать,

крайне возмутил рабочих, и они решили на другой же день созвать большой митинг, чтобы отдать последний долг павшим товарищам и излить свое справедливое негодование. Митинг состоялся на Сенном рынке и, по заданию головы города, носил самый мирный характер. Речи на митинге произносили любимые рабочих — анархисты. А этого уже было достаточно. Кровавожадная буржуазия не могла устоять случая, чтобы не расправиться с невинными ей и непримиримыми ее врагами анархистами. Был сфабрикован наглый подлог — кем-то брошена бомба в ряды полицейских после чего... опять невинная рабочая кровь, опять крики, опять стоны, опять жертвы... (точное число скрыто палачами). Завершая это кровавое побоище арестом восьми анархистов. (Четыре из них были повешены, один закончил самоубийством незадолго перед казнью, а три были приговорены к каторжным работам — впоследствии освобождены).

Так, в крови, в дыму ружейных залпов, родилось Первое Мая, как праздник труда.

С тех пор не раз в этот день, на улицах больших и малых городов, сильных и слабых держах, повторялась Чикагская бойня. Смертельно потрясенная величием значения Первого Мая обездоленным, буржуазия, всеми мерами старалась вышибить эту "дурь" из головы рабочих. Для этого она не жалела ни сил ни средств: со всей тяжестью своей свирепости она обрушивалась, в этот день, на рабочих, доходя до таких зверских "шуточек", как испытывание силы новонаобретенных ружей. Подобные "шуточки" применялись французской буржуазией, при чем, одним "пробным" залпом убивалось по девять человек). Однако же несмотря на все репрессии со стороны буржуазии, рабочие не оставляли начатого ими дела: они свято чтят день Первого Мая, выполняют завет борцов, павших в этот день. К великой горю рабочих, на помощь растерявшейся буржуазии пришли, так называемые "друзья" рабочих. Социалисты-государственники "либеральные души" и вообще люди "порядка", "чувствующие" и "болеющие" за муки рабочих.

а потому все
ним, сослужив
ия "Руководст
Мая. Этих раз
бочих интерес
бездельные руж
как и буржуа
состояние раб
следо" за хол
могут открыт
ности со ст
че они лишь
ся в рабочей
поступили, и
таковы с их
ниже, на пут
кой "операци
Первое Мая.
и славных бит
день в день
обыкновенного
случаю того,
ся поцелуе,
травматизме
есть возможно
сти любовоби
звук гармон
сиям, синикам
гда бывает в
к чему стреми
сторонники "об
рани анархис

Первый во
Смотри в море
Первое, что
интересовать к
и широкие раб
серьезный, бесп
ный и отчетли

В О Л Н. А.

а потому всегда примазывающиеся к последним, сослужили немалую службу буржуазии своим "руководством" рабочих в день Первого Мая. Этим разночинствующим "радетелям" рабочих интересов, греющим и потирающим свои беленькие ручки у пролетарского костра, тоже, как и буржуазии, не по вкусу возбужденное состояние рабочих; но они следующие "волей судеб" за ходом развития рабочего класса, не могут открыто противиться проявлению активности со стороны рабочих (в противном случае они лишились бы возможности околачиваться в рабочей среде), а вынуждены косвенно, постепенно, незаметным образом сворачивать таковых с их истинного пути на путь оппортунизма, на путь стоячих, заплесневших вод. Таковой "операции" с их стороны подверглось и Первое Мая. Из дня борьбы, из дня великих и славных битв, они стараются превратить этот день в день праздника, самого что ни есть обыкновенного вида. Поспать лишний час, по случаю того, что не нужно идти работать, одеться почище, побывать на митинге (которые устраиваются только ради формы), потом, если есть возможность, прогуляться в лес, при участии любвеобильной подружки, или же отдаться звукам гармоники, "здравным чаркам", песням, синякам и подоб. плюсам, как это всегда бывает в праздничные дни, — вот все то, к чему стремятся свести день Первого Мая сторонники "общего блага". И если бы не старания анархистов, если бы не их энергичные

протесты против загрязнения этого дня, то, быть может, Первое Мая давно было бы предано забвению, или вылилось бы в день шумных обедов и любовных объяснений. Только благодаря героическим усилиям со стороны анархистов, день этот в общем все еще остался рабочим днем, хотя дым помещанского холопства, до некоторой степени, успел зачадить блеск и яркость его. Но и этот дым — дым временный. Скоро подует свежий и здоровый ветер и быстро разгонит сей чад, и освежит головы многим зачадившимся. Об этом свидетельствуют события. Практическое банкротство марксизма, в полном его составе, все более и более открывает глаза рабочим на то, что всякая половинчатость неизбежно ведет к месту отправления. Рабочие воочию начинают уяснять и убеждаться, что за роскошной ширмой социализма, покоится все тот же их враг — капитализм, но еще более грозный, более сконцентрированный. Убедившись в этом, рабочие придут к тому заключению, что только с торжеством Анархизма, будет положен конец капитализму со всеми его атрибутами; только тогда: "кто был ничем, тот станет всем!"

Тогда и день Первого Мая, равно как и каждый день, станет праздником, до тех же пор этот день должен быть днем борьбы, днем завоевания хлеба, днем мщения буржуазии за ее жестокости и за зверски ей убитых наших дорогих товарищей. Слава борцам, павшим в честном бою в день Первого Мая!

ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ.

Письмо второе.
ВОЛИН.

Первый вопрос. — Необходимые оговорки. —
Смотри в корень.

Первое, что должно в сильнейшей степени интересоваться как сознательных товарищей, так и широкие рабочие массы за-границей, это — серьезный, беспристрастный, возможно более полный и отчетливый ответ на вопрос: каково сей-

час истинное положение вещей в России?

Что же, в конце концов, представляет собой эта, для многих еще столь таинственная и привлекательная, "страна Великой Революции" — в экономическом, политическом, юридическом, культурно-бытовом отношениях? Как можно было бы определить, формулировать

ее современное состояние? В каком отношении к общему процессу мировой революции находится переживаемый ею ныне революционный этап, и какие дальнейшие перспективы открываются нам с платформы этого этапа? — Таковы существенные разветвления этого, выдвигаемого в первую очередь, вопроса.

Один близкий друг, — француз, когда-то мальчиком покинувший Россию и теперь, стариком, не забывший ее, — пишет мне: "Все, что приходит оттуда, — неясно, как бы похлонуто дымкой, словно в волшебной сказке; книги, газеты, литература ли или устные рассказы, — все противоречиво и хаотично..." И он выражает надежду, что я — живой участник и очевидец событий в их целом — сумею внести в дело известную ясность.

Приблизительно то же пишут мне другие иностранные товарищи. Они жалуются на противоречивость, спутанность и тенденциозность сведений о России и надеются получить от меня "по возможности полную, точную и беспристрастную информацию об истинном положении там" — для правильного осведомления как их самих, так и рабочего класса за-границей.

Я очень понимаю этих товарищей. Я думаю, что одинаково хаотичное впечатление переживается до сих пор всеми, кто за рубежом искренно и беспристрастно интересуется русской эпопеей.

Как, в самом деле, не быть противоречиям, туманностям, неясностям, — да еще для людей, находящихся на расстоянии от непосредственных событий? Во-первых, всякая серьезная революция уже сама по себе — явление крайне сложное, хаотичное, почти сказочное, при том рождающееся именно из противоречий, питаемое ими, быющее между ними... Во-вторых, — кто, какой свидетель или участник мог бы сказать о себе, что он видел, пережил, передумал, почувствовал, учел, взвесил и измерил, за все эти годы, все стороны и сферы, все положения и оттенки, все изгибы и грани, все условия, все данные и факторы, все действующие силы, все пути, все точки зрения, все факты, все события, все случайности, все комбинации, — словом, все необъятное движение, все тысячелетнее

состояние вещей во всех его бесчисленных сплетнях, во всей его непрерывной и неуловимой изменности? Кто мог бы утверждать, что он разгадал всю сущность вещей, охватил все тайны, примирил все противоречия, подвел окончательные, верные и точные итоги всей великой буре? Кто мог бы заявить о себе, что он в силах дать исчерпывающую картину и оценку этого величайшего сотрясения — Революции? Ведь, каждый видит, знает и освещает, по необходимости, лишь некоторые стороны и сферы событий, — те, которые находятся в поле его зрения, в пределах его участия, его роли, его интересов и достижений. Ведь, даже вся в целом грядущая история революции не сможет дать исчерпывающего, всеохватывающего, бесспорного и окончательного итога!.. В-третьих, почти все, что "приходит оттуда", неминуемо носит на себе отпечаток личности, партии, класса мировоззрения, чувства... Факты и события освещаются каждым по-своему... Материал обрабатывается современниками с неизбежной односторонностью и тенденциозностью. Противники не брезгают, при этом, ни искажениями, ни ложью, ни клеветой... Все эти черты особенно резко выражены именно в рус. революции, которая, с одной стороны, затронула за живое на сущнейшие интересы всех слоев населения, с другой — накалила до-бела политические страсти, с третьей — привела к самым крайним формам политического насилия, обмана и лицемерия, изуродовавших и, наконец, мертвым холодом сковавших мысль и слово. (Достаточно напомнить, что в России, уже более трех лет, существует, — за совершенно ничтожными исключениями, — только печать "Коммунистической Партии" и может раздаваться слово только "коммунистов"). Лишь далекая история будущего сумеет подойти к этой эпохе более или менее объективно; сумеет охватить, учесть и подытожить хотя бы главные стороны событий; сумеет сдернуть маску с деятелей и покрывало с действий разворачивающейся там, в необъятной стране трагедии... В-четвертых, русская революция представляет собою исторически явление во многих отношениях новое, исключительное,

DUPLICATE

Patron name:

Fedorov, Andrey

Call Number: HX 821 .S96

Стр. 7

В О Л Н А.

ушедшее значительно дальше прежних ша-
блонов; и, как всякое новое и сложное явление,
она особенно трудно и медленно поддается по-
ниманию, попыткам точного анализа и отчетли-
вого суждения. Наконец, в-пятых, как неверо-
ятно ничтожные еще, по сравнению с самими
событиями, научные данные и, теоретические
методы, при помощи которых мы можем подхо-
дить к этим событиям, исследовать и познавать
их. Как мало еще мы знаем и понимаем соци-
альную жизнь вообще! Как мало еще мы умеем
разбираться в социальных явлениях, понятиях
и вопросах!..

Да, все это так. И однако, люди, которые,
подобно мне, совершили в стране изрядную ре-
волюционную работу; люди, которым посчастли-
вилось пройти через самые разнообразные при-
ключения и положения; люди, которым приве-
лось близко сталкиваться с различными сторо-
нами событий и наблюдать других людей, на-
блюдать дела и вещи, опять-таки, во всево-
зможных положениях; люди, наконец, которые
стремятся—и более или менее умеют—судить
и освещать события с известным беспристрасти-
ем,—такие люди, конечно, обязаны попытаться,
в пределах возможного, дать общую и ясную
картину вещей, постараться хоть несколько рас-
сеять туман, раз'яснить хоть некоторые проти-
воречия, осветить полным светом хоть некото-
рые стороны...

Совершенно естественно, поэтому, что от
меня ждут, в первую очередь, возможно более
беспристрастного и отчетливого освещения ны-
нешнего положения вещей в России. Именно с
этого я должен начать.

Прежде чем взять палитру и кисть, да бу-
дет мне, однако, позволено сделать несколько
существенных предварительных оговорок.

Первая из них—личного характера.

Быть-может, немногим в России посчастли-
вилось пережить и перевидеть, за все эти годы,
столько, сколько пережил и перевидел я. Лихо-
рабочная деятельность агитатора, пропаганди-
ста, литератора, организатора—в самом тесном
общении с рабочими массами, в самом разгаре

революционного урагана; партизанский отряд и
соприкосновение с красной армией; кипучая,
живая массовая работа на севере и, в особен-
ности, на юге—в различные моменты революци-
онного процесса; порой—чисто культурная рабо-
та в советских отделах народного образования;
преследования и гонения; полугодовая напря-
женная деятельность в "махновском" районе;
аресты и советские тюрьмы со всеми их ужа-
сами... Все это давало мне возможность входить
в непосредственное и длительное общение как
с широкими слоями городского и сельского на-
селения, так и с различного рода советскими
учреждениями и, наконец, с представителями
новой власти (со многими из которых у меня
еще до революции,—за-границей, где они жили
такими же простыми смертными, как и я,—
имелись личные отношения). Все это позволяло
мне близко и хорошо наблюдать самые проти-
воположные сферы жизни, самые разнообразные
моменты и стороны революционного процесса;
позволяло остро присматриваться к действующим
и к действенным силам революции, на-
пряженно искать и мыслить, переживать свое-
образные, глубокие и сложные душевные дви-
жения и состояния.

Немногие, думаю я, имели такую возможность
подниматься,—перед лицом видимой, подтверж-
денной, почти воплощенной, почти осязаемой
истины,—до самых захватывающих высот ду-
ховного под'ема, почти экстаза (увы, всегда
пронизанного, словно ядовитым жалом, мучи-
тельно острым сознанием безнадежности), и—
падать до самого дна горечи, тоски, почти от-
чаяния, когда долгими глухими ночами один
рыдаешь над безвестно раздавленной правдой,
над поруганной мощью и красотой, над беспло-
дно погибшими усилиями, над грубо растоптан-
ными молодыми побегами... Немногие, быть-
может, видели столько подлости, низости, гнус-
ности, становящихся на пути величайшей, све-
жей, истинно-революционной, идущей снизу си-
ле и отнимающих у этой силы всякую возмож-
ность окрепнуть, определить и выявить себя,
найти верную дорогу, воплотиться в живое дело
и привести к цели. Не многие могли так остро

чувствовать всю глубину, весь ужас, всю гибельность неизбежного упадка и разложения как самого "революционного правительства", так и всей революции—в России и вне ее. Не многие могли так пристально наблюдать основное противоречие между постепенно нарастающей силой творческой революционной энергией ищущих масс и—удушающим эту энергию, угашающим эти искания, неумолимым, опускающимся сверху куполом...

Немногие, вероятно, пережили столько препятствий, гонений, преследований, столько разбитых на пороге успеха начинаний... Немногие подвергались таким возмутительным нападкам, такой безобразной клевете... Немногие столько выстрадали, столько перемучились...

И однако—у меня нет к большевикам злобного, ненавистнического чувства. Не было у меня этого чувства тогда, когда они были еще только "большевиками" и готовили свою революцию; не было его и впоследствии, когда они достигли своей цели, когда речь шла уже не о революционерах-большевиках а о новом правительстве и о правительственной партии; нет его и сейчас, когда я могу спокойно, на расстоянии, пробежать еще раз все пережитое и переоценить его—без яркой сртасти, без жгучих слез, без острой муки...

Что мне они—эти ограниченные, ослепленные люди? Мне жаль их,—не больше. Дело не в них самих; дело—в той чудовищной системе, слепо уверовав в которую, они выполнили свой замысел; дело в тех обстоятельствах, которые помогли им этот замысел осуществить.

Да, мне жаль их. Никогда, в моменты самого острого страдания, у меня не было к ним личной злобы: было лишь чувство глубочайшей жалости и—порой—легкого презрения... Тем более—нет у меня к ним злобы теперь, когда факт совершился, когда революция временно убита, когда ужас и боль изжиты.

Ведь, даже чувство безумной тоски, чувство глубочайшей печали за судьбу революции, чувство бессильного отчаяния при виде ее крушения,—даже эти чувства отжиты, даже эти величайшие страдания перегорели...

О, как я понимаю С. Фора, который в одной из своих статей говорит: "Анархисты не торжествуют; им слишком тяжело констатировать крушение русской революции; и эта глубокая скорбь не может быть вознаграждена чувством удовлетворения при виде того, что и на этот раз, как всегда, их идеи выходят из горнила опыта еще более закаленными..."

Да, я понимаю его. Но мы,—мы, пережившие в пламени событий,—мы-то можем теперь не только снять траурные одежды и спокойно разбираться в фактах, но и радоваться,—да, радоваться разрушению еще одного (быть-может, последнего) гибельного миража на пути истинной революции. Мы имеем на это внутреннее право, приобретенное дорогой ценой. Ибо мы испили всю горькую чашу скорби еще тогда, когда, сквозь шум революционного урагана, жертвуя жизнью и принося все на алтарь борьбы, предвидели, сознавали и, наконец, переживали ужас конечной неудачи.

Подобным же образом, мы имели бы, может быть, внутреннее право и на некоторую озлобленность... Но если нам, в самом деле, не до радости, то уж, во всяком случае, и не до злобы теперь. Слишком значительно наше очередное дело. Слишком ответственны и серьезны наши дальнейшие задачи. И если даже во время событий,—в разгаре борьбы и в огне страстей,—коммунисты—оппоненты не раз высказывали свое удовлетворение по поводу беспристрастия моего изложения (что не мешало им, конечно, впоследствии называть меня "демагогом", запрещать мои лекции и арестовывать меня), то тем более теперь положение вещей обязывает каждого из нас к самому тщательному беспристрастию, к самой кропотливой добросовестности.

Итак,—спокойно и объективно, руководимый не чувством злобы, а смешанным чувством скорби за прошлое и радостной надежды на будущее, с полным сознанием лежащего на мне долга поведу я свою повесть.

* *

Есть, далее, еще один предварительный вопрос. Полное, откровенное изложение и освеще-

нение фактов, не трагично ли, не заши? Не слагается ли из этого некое оружие? Можно ли в силу этого боить масс? Я намерен существовать. Не в состоянии. Не свою бытность. Пробила себя. Другой стороны. Днее время. Но развенчана. Та" и сам. Этом, они сдают. Тепер. Кое оружие. Желать. Ч. Повидимому. Наконец, с. Ражать отк. Исходящему. Среди них. Нители пусто. Уже не име. Устойт... Я ограни. Ями. Никогда. Точки зрения. Правды от ра. Я всегда нах. Принесет гром. Вильного осв. Рята и тем. Тупик пассив. Етеранности. Что неопреде. Волюции,—нес. Всего привел. Жность быстро. Движение об. Сии задержат.

В О Л Н А.

шение фактов—правда и вся правда—не сыграют ли, против нашей воли, на руку буржуазии? Не следует ли остеречься давать мировому капитализму, мировому империализму лишнее оружие в руки против русской революции? Можно ли ронять престиж ее,—разбивать всю силу этого великого упования,—в глазах рабочих масс за-границей?

Я намеревался остановиться на этом, весьма существенном, вопросе более или менее основательно. Но, мне думается, он потерял теперь свою былую остроту. Правда давно уже сама пробилась себе дорогу. Камни воишют о ней. С другой стороны, большевики делают, за последнее время, все возможное, чтобы окончательно развенчать в глазах "мирового пролетариата" и самих себя, и свою революцию. При этом, они сами же,—как и следовало ожидать,—дают теперь в руки "мировой буржуазии" такое оружие, сильнее которого она не могла и желать. Что касается анархистов,—последние, повидимому, решительно и повсюду перестают, наконец, стесняться говорить всю правду и выражать открыто и прямо свое отношение к происходящему в России. И если имеются еще среди них наивные или неосведомленные охранители пустого места, то их воздержание теперь уже не имеет большого значения и не долго устоит...

Я ограничусь, поэтому, немногими замечаниями.

Никогда, ни в какой момент, я не разделял точки зрения сознательного укрывательства правды от рабочих масс за-границей. Наоборот, я всегда находил, что тактика укрывательства принесет громадный вред, затормозит дело правильного осведомления заграничного пролетариата и тем самым надолго заведет массы в тупик пассивного ожидания, недоумения и растерянности. Меня всегда угнетало сознание, что неопределенность результата русской революции,—неопределенность, к которой прежде всего привел большевистский путь,—и невозможность быстро и точно осведомить заграничное движение об истинном положении вещей в России задержат и исказят события на западе. Я

знал, что—увы!—пройдут годы и годы прежде, чем рабочие массы других стран правильно разберутся в происшедшем и сделают из него необходимые выводы. Я всегда понимал, что если судьбы русской революции до известной степени зависят от революции европейской, то и наоборот—революция в Европе находится в теснейшей зависимости от хода революции в России. И я знал, что бесплодие русской революции, не освещенное вовсе или освещенное неверно и неполно, надолго остановит революцию на Западе, надолго лишит заграничные рабочие массы возможности выйти из выжидательного и недоуменного состояния. Я всегда с горечью сознавал, что, пока в Европе не разберутся в положении и не сделают из него правильных выводов,—до тех пор не разгорется там революционный дух!.. И я всегда находил, что не только можно, но и должно, как можно скорее, разъяснить заграничным рабочим массам истинное положение вещей, осветить им весь размер и все причины несчастья. Я всегда считал, что в этом отношении надо именно спешить действовать; что здесь каждый день дорог; что необходимо скорее раскрыть массам глаза на истину,—тем более, что эта истина целиком подтверждает наши положения. Я считал, что, чем менее оправилась Европа от войны, чем менее окрепла в ней реакция,—тем необходимее "ковать" железо, пока горячо, и использовать опыт и урок русской революции.

Разумеется, я прекрасно понимал, что задача критики, задача полного и правильного освещения русской революции—нелегка, сложна, ответственна; что выполнение этой задачи требует много такта, ума, умения. Но я находил, во-первых, что выполнить ее,—и выполнить как можно скорее,—все же абсолютно необходимо; и во-вторых, что имеются товарищи, которые могли бы с успехом за это выполнение взяться.

Нам ли, анархистам, было поддерживать ложные надежды пролетариата на то, чему не суждено быть? Конечно, нет! Конечно, надо было скорее разбить эти иллюзорные надежды и подчеркнуть истину. Надо было всегда пред-

Стр. 10

Стр. 10

видеть, что, в противном случае, мы можем—рано или поздно—оказаться неоплатыми должниками, когда рабочие массы предъявят нам анархистам, к уплате два крупных векселя: первый—вопрос, почему мы молчали, скрывали правду и не раз'ясняли истину? где мы были и что делали? второй—вопрос, почему мы до такой степени убоились буржуазии, Антанты, капитализма, империализма и прочих демонских сил, что нам страшно стало сказать простую правду? не потому ли, что, в глубине души, мы не доверяли ни революции, ни массам?... Что ответили бы мы, друзья, на эти вопросы? Как уплатили бы по этим векселям? Каким лепетом оправдали бы себя?

Нас могли бы также спросить, настолько ли, действительно, не ясна наша позиция, что мы боялись быть смешанными с буржуазией, с буржуазными критиками? И нам могли бы сказать,—и были бы правы,—что столь опасливое отношение к разоблачению истины есть выражение известной слабости; что если мы сильны и уверены в истине, то мы именно должны были на сделанном опыте лишний раз ярко, смело, твердо подчеркнуть и раз'яснить массам эту истину...

Если я и раньше, всегда смотрел на дело таким образом, то тем более, конечно, смотрю на него так сейчас, когда положение окончательно определилось, и когда анархизм остается единственной путеводной звездой революции. Не говорят ли уже факты, красноречивее всяких слов? Не достаточно ли государственники-коммуны сами обнажили себя?.. Доколе же мы будем трепетно охранять пустое место? Доколе будем благородно бояться скомпрометтировать девицу, которая сама компрометирует себя каждым своим жестом?.. Ведь если и раньше некоторые из нас благородно охраняли целомудрие девицы, давно потерявшей невинность, то теперь-то они уже несомненно будут охранять целомудрие проститутки!..
Нет, нет!.. Скажи...

Нет, нет!.. Скорее, скорее надо, на свежем опыте русской революции, снова и снова, конкретно и ярко вскрыть перед массами всю не-
лепость и гибельность государственно-

го, властнического, политического, партийного пути и развернуть с окончательной ясностью и убедительностью анархический путь действия и строительства. Скорее надо разоблачить и использовать опыт.

❄ ❄
❄

Иной вопрос (и это—моя последняя оговорка)—как именно это сделать, как подойти к задаче.

Дело в том, что,—как я уже упоминал мимоходом в первом письме,—отнюдь недостаточно, если не вовсе бесполезно, останавливаться на отдельных отрицательных явлениях революции, обрушиваться на различные отдельные стороны большевизма, ужасаться отдельным фактам, критиковать последние по мере их накопления.

Большевики не разрешили творческих задач революции, большевики обанкротились; большевики разорили хозяйство страны; большевики обюрократились; большевики водворили свою убийственную диктатуру, комиссародержавие, произвол, террор, инквизицию, чудовищную полицию; большевики умертвили в стране все живое; большевики заполнили тюрьмы недо-вольными и несогласными: большевики преследуют и расстреливают революционеров других толков и, в частности, анархистов; большевики лгут, клеветают, лицемерят, искажают и душат истину, обманывают, подкупают, не брезгают никакими—самыми безнравственными—средствами для достижения своих целей и для сохранения своей власти; большевики раздавили революционный Кронштадт, убили анархическую Украину; большевики восстанавливают капитализм, слагаются с иностранной буржуазией, сами превращаются в новую буржуазную касту, возвращаются к худшим формам эксплуатации и рабства,—к крепостному труду, к разорительным налогам и повинностям, к почитанию властей, к милитаризму; и т. д., и т. д.

Пусть все это и так. Но всем этим еще далеко не решается основной вопрос революции и большевизма. Ведь, с таким же успехом пересчитываются заслуги, сильные стороны и положительные достижения большевиков. С тем же успехом и правом доказывают, что иначе было,

вообще, невозможные-то и такие условия обострили, блокада, весь масс и не был достигнут; избежки во вся до ин.—говорят местных, исторические большевики поступать. В других—коммунисты

Сущность во-
дельных явлениях
разному, никогда
чуждому обществу
большой пользы
тать над всеми
революции. Дело
— логические с
чин. Дело также
их поступках: л
нее однородные;
как и мы; н е
поступали имен
на их месте посту

—Да,—слышу
ло, что мы всегда
ным быть, никогда
был—на их месте
Вот, суть вопро
сте.“ Суть вопро
целом.

Сущность вопроса
бы были большевики
люцию данным путе
место? Сущность во
было—и как? —по
иным путем и занят
Не были ли данный
рической необходим
том, мог ли иной пут
вести к желанному р
ся ли бы этот путь
нами (ибо свои слаб

В О Л Н А.

вообще, невозможно действовать; что имеются такие-то и такие-то оправдывающие или смягчающие обстоятельства (изолированность революции, блокада, война, низкий культурный уровень масс и пр.); что максимум возможного был достигнут; что отрицательные стороны неизбежны во всякой подобной революции... "Мало ли,—говорят нам,—в силу каких, общих и местных, исторических и бытовых условий, русские большевики вынуждены были именно так поступать. В других странах, в других условиях—коммунисты лучше справятся с задачей..."

Сущность вопроса—не в тех или иных отдельных явлениях, которые можно толковать по-разному, никогда не приходя к ясному и окончательному общему выводу; и я лично не вижу большой пользы в том, чтобы охат и причитать над всеми отдельными изъятиями русской революции. Дело не в этих изъятиях: они лишь—логические следствия ряда глубоких причин. Дело также не в данных людях и их поступках: люди—существа более или менее однородные; большевики—такие же люди, как и мы; и если они, в данных условиях, поступали именно так, то, несомненно, и мы на их месте поступили бы точно так же...

—Да,—слышу я:—но, ведь, в том-то и дело, что мы всегда считали глубоко неправильным быть, никогда не могли бы быть—и не были—на их месте...

Вот, суть вопроса, друзья,—именно в "месте". Суть вопроса—весь взятый путь в его целом.

Сущность вопроса в том, правы или не правы были большевики—и почему—поведя революцию данным путем и заняв в ней данное место? Сущность вопроса в том, возможно ли было—и как? —пойти, при данных условиях, иным путем и занять в революции иное место? Не были ли данный путь и данное место "исторической необходимостью"? Сущность вопроса в том, мог ли иной путь, в данных условиях, привести к желанному результату? Затем спрашивается ли бы этот путь со своими слабыми сторонами (ибо свои слабые стороны, свои "ухабы"

имеются, ведь, у всякого пути)? Наконец, почему же именно этот иной путь не осуществился?

Лишь при условии ясного освещения и основательного анализа этих существеннейших вопросов, могут быть правильно поняты как общий ход, так и отдельные черты русской революции; может быть, действительно, решен основной вопрос—полной и окончательной оценки большевизма; может быть плодотворно разоблачен и использован пережитой опыт.

Итак, для того, чтобы опыт русской революции был, действительно, использован нами,—далеко недостаточно заниматься разрозненной критикой отдельных явлений и фактов.

Необходимо во-первых, всегда—в каждом вопросе, в каждом конкретном случае—высказывать и подчеркивать неразрывную внутреннюю связь этих явлений и фактов со всем взятым путем. Необходимо постоянно и наглядно сводить отдельные явления революции к сущности данного пути отчетливо рисуя логическую зависимость каждого явления от всего взятого пути в его целом, анализируя и критикуя не столько самые явления, сколько именно, через них, весь путь в целом.

Необходимо, во-вторых, тут же (и, по возможности, наглядно) сопоставлять оба пути—"их" и иной, ясно выдвигая и обосновывая все преимущества, сильнейшие стороны и широкие положительные возможности этого иного пути; ясно показывая, что слабые места, что "ухабы" этого иного пути—с одной стороны, сами сравнительно не глубоки, а с другой (и это—главное)—легко преодолеваются основными положительными свойствами этого пути.

Необходимо, в-третьих, принимать во внимание, по возможности, все осложнения вопроса,—т. е., главным образом, все те условия и обстоятельства, в которых протекал революционный процесс. Необходимо, в известных случаях, сопоставлять оба пути именно в данных условиях, показывая, что именно иной путь мог бы справиться с этими условиями, оказаться сильнее их, преодолеть их; подчеркивая, что решающее, конечное значение в революции имели,

опять таки, не те или иные условия пути, а сам взятый путь, как таковой, в целом.

Необходимо, в-четвертых, особенно отчетливо выявлять весьма характерные конкретные причины "неосуществления" иного пути в русской революции, без чего многие наши положения останутся неясными и неубедительными.

Для того, чтобы опыт русской революции был использован,—мы должны, постоянно и настойчиво обращая на него внимание масс, стараться извлечь из этого опыта всю полноту результата. Мы должны не только освещать, разъяснять, анализировать, но и ярко обобщать, отчетливыми штрихами переходя от различных отдельных данных опыта к широким общим построениям и выводам. Мы должны,—на анализе фактов, явлений, условий обстоятельств, слабых и сильных сторон, на сопоставлении двух путей революции,—наглядно демонстрировать: 1) безусловную неправоту, подтвержденную органическую несостоятельность всей властнической системы; ее "историческую непригодность"; и 2) внутреннюю возможность, осуществимость, глубокую жизненность и мощность, рациональность, конечную результативность иного пути революции.

Отметим, наконец, здесь же необходимость, на почве опыта русской революции, особенно рельефно выдвинуть положительные задачи анархического движения и анархической работы, а также особенно ярко развернуть, обосновать и формулировать положительные пункты анархической концепции и ее пропаганды.

(Разумеется, я, в данном случае, имею в виду не столько теоретические и философские углубления вопроса,—углубления, которые могут быть сделаны в свое время и в своем мере,—сколько именно конкретную, живую разработку проблем).

Предоставим же политическим партиям "от социализма" ахать над отдельными бедами и брать исключительной мишенью своих яростных нападок нынешних "диктаторов России", их "узурпаторскую власть", их действия, ошибки, глупости, безобразия, эксцессы и преступления. Такая "точка прицела" естественна для

этих партий, ибо каждая из них претендует на то, что ее деятели и ее пребывание у власти,—что иная власть, вообще,—разрешили бы задачу революции к общему благополучию и удовольствию. Кроме того, каждая из этих партий не может с горечью не сознавать, что у нее из рук "насильственно" вырвана была победа, выхвачено было счастье, которое манило, которое казалось "так близко, так возможно..." То и другое заставляет эти партии обрушиваться именно на данную большевистскую власть и ее подвиги, снова и снова сбивая с толку пробуждающуюся мысль революционных трудовых масс, снова сводя их искания в сторону от верного пути, снова мешая им осознать истинную сущность вещей—органическое бессилие и гибельность всякой власти в деле освобождения труда, в деле строительства свободных форм общежития.

Кронштадтское восстание, например,*—при всей его естественности и при всем его величии,—страдало (судя по его печатным материалам) все той же неясностью и неопределенностью: под влиянием политических партий и благодаря слабости анархических сил, оно боролось, главным образом, против именно данной власти, против ее действий и проявлений отстаивая некие иные формы власти и лишь в ничтожной степени выдвигая ту идею, что дело—вовсе не в данной власти, а в ужасе всякой власти вообще и в необходимости приступить к строительству безвластных форм общежития, как к единственному выходу из положения.

Махновское движение характерно, интересно, замечательно, между прочим, в том отношении, что,—благодаря многим своеобразным причинам, а также довольно интенсивной анархической работе в его недрах,—оно сумело отчетливо выдвинуть и отстаивать идею гибельности всякой власти и необходимости безвластного строительства; сумело привести к осознанию этой идеи и объединить вокруг нее довольно широкие массы.

К сожалению,—как я уже отмечал,—и ана-

*) Марта 1921 г.

рихисты в России слишком часто увлекались исключительно критикой данной власти, ее действий и отдельных проявлений, чем в известной степени тормозили процесс осознания массами анархического пути строительства.

Между тем, именно для нас такой прием совершенно не естественен. Именно наша позиция,—единственная в этом отношении,—по самой своей сущности призвана к тому, чтобы с нею постоянно и неуклонно смотреть и указывать в корень вещей, ничем не отвлекаясь от основной задачи: отчетливо, наглядно раз'яснять массам гибельность всякой власти и развертывать перед ними положительный путь строительства безвластных форм жизни.

В особенности теперь,—когда единственным выходом для трудовых масс остается анархический путь, когда кардинально важно скорее и ярче указать этот выход массам и тем ускорить грядущий расцвет и размах революционного движения,—в особенности теперь анархическое слово должно, обязано не размениваться на мелкую монету, а взяться вплотную за свое прямое дело: на почве пережитого опыта—неустанно раз'яснять, доказывать, подчеркивать, что все партии, все власти, все политические системы и деятели органически и одинаково бессильны разрешить задачу социальной революции; что лишь приступ самих трудовых масс к строительству безвластных форм общежития является плодотворным революционным началом.

Прибавим, что строгое соблюдение этой обязанности служит одним из условий, резко отграничивающих нас и нашу позицию как от буржуазных элементов, так и от политических партий. И, наконец, что, при соблюдении этого условия, наша позиция сама дает нам возможность избежать малейшего повода к упрекам в пристрастии.

К сожалению,—хотя и по вполне понятным

причинам,—заграничная анархическая печать, до последнего времени, лишь в очень слабой степени отвечает поставленным задачам. Она уделяет весьма много места именно чистой критике, простым разоблачениям, отрывочным заметкам, сообщениям и тому подобно,*) почти не используя, пока, опыта русской революции в смысле основательной разработки общих вопросов и положений. Определенный толчок в этом последнем направлении должен, несомненно, исходить от нас—русских анархистов, непосредственно переживших опыт и располагающих живым и ярким материалом.

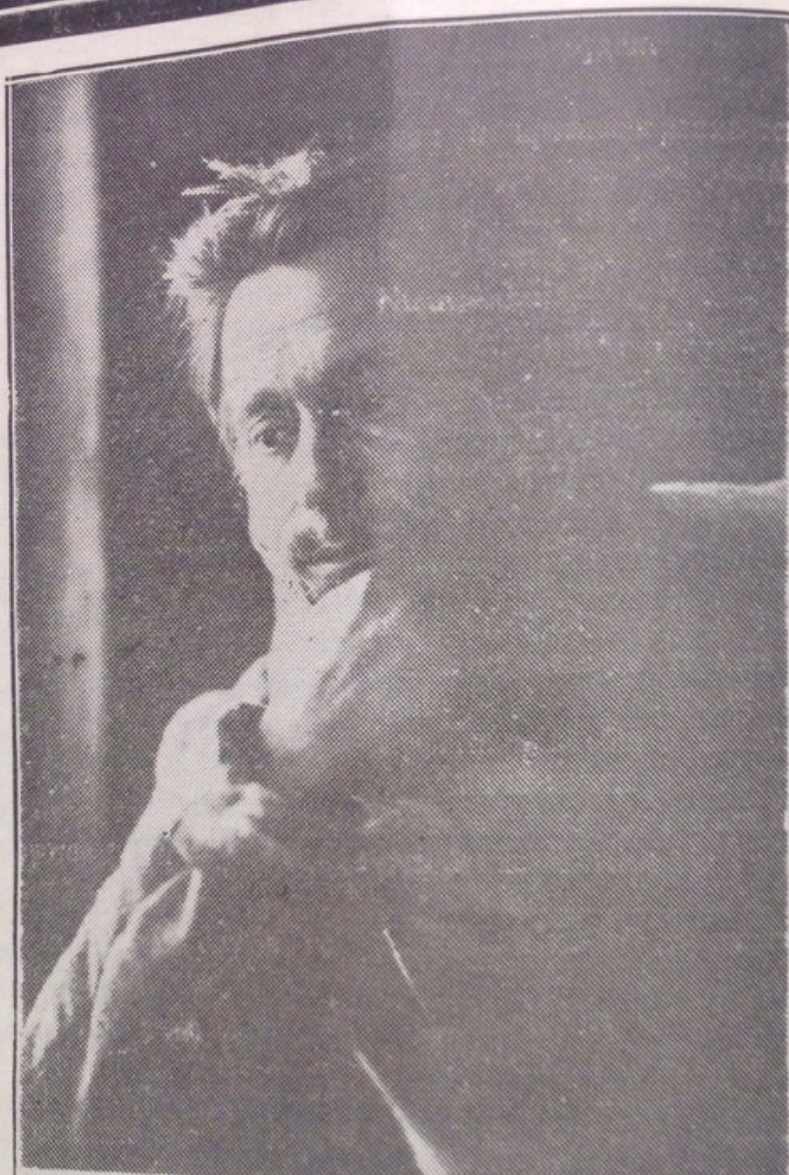
Я, таким образом, заранее оговариваюсь, что в мою задачу будет входить не разбросанная критика отдельных сторон большевистской революции и большевистского образа правления, не разрозненное сообщение того или иного материала, но, преимущественно, выявление основных данных и итогов пережитого опыта, разработка и иллюстрирование общих вопросов и выводов.

Март 1922 г.

P. S. В мое первое "письмо" ("Волна" № 26) вкралось не мало опечаток, портящих, если не смысл, то стиль письма. ("Чем начну я?"—вместо "С чего начну я?"; "Революция не привела к желательной цели"—вместо "к желанной цели"; "полеты" вместо "нелеты"; пропуски слов и даже фраз; и т. д., и т. д.) По этому поводу хочется лишь раз помечтать о том, чтобы наша анархическая печать была во всех отношениях на высоте положения и не вызывала зачастую чувства недоумения и досады... В сторону возможного улучшения издания должны быть направлены все усилия товарищей.

В.

*) Разумеется, при нынешних обстоятельствах, в условиях элементарной неосведомленности заграничных товарищей о положении дел в России,—и эти вещи имеют свое значение.

Лев Черный.

Лев Черный, один из активных работников в анархическом движении и теоретик ассоциационного анархизма, павший от рук палачей Российской Революции, пополнивших скорбный список жертв еще одним; столь ярким и кристально-чистым именем, а свою совесть запятнав несмываемым позором. По получаемым скудным известиям было видно, что Л. Черный деятельно работал в рядах анархистов и настолько был популярен среди рабочих и так чисты были его служения идеалу анархии, что даже большевики не находили случая удалить с дороги столь опасного врага и только оклеветав его, а с ним вместе и несколько других товарищей, в бандитизме и печатании фальшивых денег, арестовали в сентябре 1921 г. и зверски расправились с ним в застенке тюрьмы (есть слухи о его смерти под пыткой).

Мир праху твоему дорогой товарищ!

Не с оружием
Ты сложил сво
А под черным
Разстреляли т
Черной ночью
Низкий, свода
Горький запа
Методично па
Привели. На
На мгновенье
Задрожала чу
Под подошвою
И сдавлив жа
Ты к обмызг
Что в послед

Может быть
Взлетом пл

...Голландско

Для того, что
анархического
лены сначала
ние, что Анар
ный отклик у
но как движе
и Антимилитар
ктивной симпа
чих массах,
военно—дисци
носятся прямо
Многие товари
таться в пуч
каждую групп
защитой, каждо
равления "Бо

В О И Н А.

Памяти Льва Черного.

Саша—Петр.

Не с оружием в руках, не в борьбе огневой
Ты сложил свою голову, друг дорогой!
А под черным покровом безмолвной ночи
Разстреляли трусливо тебя палачи.
Черной ночью... Дрожа, тусклый свет озарял
Низкий, сводами сдавленный, бойню—подвал.
Терпкий запах душил: Тупо глядя на дверь,
Методично палач заражал револьвер
Привели. На полу ржавых пятен узор
На мгновение привлек твой страдальческий взор.
Задрожала чуть-чуть непокорная бровь,
Под подошвою хлопнула липкая кровь.
И сдавив жажды жизни мучительный крик,
Ты к обмызганной стенке спиной приник...
Что в последний свой миг ты с собою унес?

Может быть, всеметающей, мощной волной—
Взлетом пламенным жизнь пронеслась пред-
тобой:

Детство, юность, стремлений безбрежная ширь;
Тюрьмы царские, ссылка, глухая Сибирь;
Революции жданной ликующий взрыв,
Вихрь возстаний и творческой воли порыв...
И—крушение всего, гибель лучших надежд,
И разгул фанатичных убийц и невежд...
Может быть, весь обвеянный острой тоской,
Промелькнул образ матери—слабой глухой;
И душевно—больная сестра, и дитя,
Что и "Павой" и "папочкой" звало тебя...
Кто узнает все это?!

Печален и тверд

Был оборванный жизни прощальный аккорд
Не дрожал и палач—дуло слепо навел...
Грохот—ох!—и склонился ты тихо на пол...
Вспышкой молнии мысль прозвенела: "конец!"
И утих ты навеки, дитя и борец.

ДОКЛАД.

...Голландской Делегации на Интернациональном Конгрессе Анархистов 1921 г. в Берлине...

Для того, чтобы дать более точное обозрение анархистского движения в Голландии, мы должны сначала указать на то характерное явление, что Анархизм здесь находит довольно сильный отклик у всевозможных старых традиций, но как движение он довольно слаб. Анархизм и Антимилитаризм пользуются неясной, инстинктивной симпатией в довольно широких рабочих массах, в противоположность Германии, военно—дисциплинированные массы которой относятся прямо отрицательно к нашим идеалам. Многие товарищи не организованы, боясь очутиться в пучине централизма. Они считают каждую групповую организацию — централизации, каждое рабочее деление для целей управления "Бонцетумом", всякую совместную

административную работу — неверностью по отношению к принципу местной автономии. Здесь полнейшее непонимание вопроса о федерализме, который, предусматривая организацию, объединяет все силы, и все-таки оставляет их независимость.

Затем есть еще индивидуальные анархисты, которых в Голландии не очень много. В Амстердаме они образовали оживленную группу. Характерно, что соц. демократы в их борьбе с анархистами, часто придают всем анархистам образ, присущий только индивидуалистам. Диаметрально противоположно этим, на границе между либеральными и авторитарными коммунистами, есть группа, которая считает себя анархической; на этом конгрессе она

не представлена хотя и принадлежит "исторически" анархистам, однако высказалась за диктатуру пролетариата, это так называемый "Landelyche Federatie von Social—Anarhisten" (орган: "Die Toeromet"). Под диктатурой пролетариата они разумеют не партийную диктатуру — как большевиков, только классовую диктатуру всего пролетариата, так как ее понимает группа К. А. Р. Д., также Kartell Ost—Sachsen и как понимают ее многие сторонники рабочих юнионов. Эта Федерация насчитывает несколько групп, из которых одна восточная группа в Гааге занимает специальное положение: эта группа, члены которой вначале были лево-коммунистами, но выброшены потом, или добровольно ее оставившие — усиленно борется против профсоюзов, также против синдикалистских, и пропагандирует исключительно в пользу фабрично-заводских юнионов. Эта восточная группа также отличалась своей острой борьбой против политической партии, против всех вождей и за возвышение "Lumpenproletariat'a" и отводит ему в могуществе грядущей революции важную роль. Необходимо также упомянуть, что в Голландии существовала группа свободно-либеральных социалистов, которая несколько лет тому назад превратилась в политическую партию и имеет своих представителей в обеих палатах. Члены этой партии (С. П.—Соц. Партии) произошли главным образом из кругов профессионального синдикалистского движения и исторически можно следующим образом объяснить причину ее возникновения: когда во время войны коммунистическая партия развивала сильную пропаганду между членами синдикалистского профессионального движения, и в особенности после введения принудительного голосования, когда много голосов выпало на долю противников коммунистов, у некоторых вождей синдикалистского профессионального движения проявилось желание образовать из кругов либеральных социалистов новую партию; так оно и произошло. Так как мы считаем, что эта партия вступив на этот путь —

отрекалась от анархизма, то мы ее больше касаться не будем.

Наконец, пришли мы к противодиктаторским и противопарламентским коммунистическим анархистам. Эти распадаются на две главные группы: на старшую и младшую. Старшая, долго непосредственно руководимая "Domela Nieuwenhuis" и подверглась сильному влиянию "Multatuli'a", имеет не только противочерковный, но и противохристианский характер; она организована частью в "Social-Anarhistischen Aktie" и группируются вокруг двух газет: "Vrye Socialist" и "Arbeider". Несмотря на то, что обе эти группы основываются на одном базисе — они все же носят различный характер, который можно объяснить различием между городом и деревней: "Der Arbeider" — газета северных провинций — пропитана в общем спокойным и простым духом; но обе группы в противоположность "Fed. v. Soc." настроены противомарксистски и противобольшевистски. Во "Vrye Socialist" встречаются очень часто статьи, которые имеют много общего с мировоззрением индивидуальных анархистов и борются против каждой организации, как против консервативно-действующей силы.

Младшая группа находится в "Bund religiozer Anarcho-Communisten" (Ежемесячник "De Vrye Communist"). Этот Союз образовался, главным образом из соединения левых бывшего "Союза Христианских Социалистов" и многих членов бывшего "Свободного Человеческого Союза". Этот "Свободно Человеческий Союз" проникнутый в значительной степени толстовскими тенденциями; хотя союз религиозных анархо-коммунистов во многих отношениях расходится с Толстым, все же, благодаря этому названию, можно дать иностранцам более или менее точное понятие об этой группе. От Толстого их отделяет то существенное значение, которое она придает техническому развитию, а также ее более исторический нежелательный абсолютный образ мышления. От прежнего "Союза Христианских Социалистов" он отличается тем, что в нем нет более свободного

христианства, стое, религиозное, общественное, итительное, ит группы "D der" они не марксизма — экономический Союз рели ст этических, взаимную зави ного освобожд лонинского ф ствует тем де производящих, продуктивные лиской повинн союзов и т. д. бость анархис ным образом страны долг стоятельство среди населе стонт из немц сделалось все предприняти противопарламе мунистов-анарх следуют цель о новились на фе ной работе для каждая группа своих собственн или своей газет оными и авто той. В июле 192 различных напра али на одной то еми так наз. д участия в парла зав к 9 октябр ских и противоп На этом Кон взаимному обмену лийный духовный х —150, наверное,

христианства, но надеются на еще более простое, религиозное чувство, как элемент новой общественной культуры. Кропоткин оказал решительное влияние на их социальные теории. От групп "De Vrije Socialist" и "De Arbeider" они не отличаются большим признанием марксизма — поскольку он касается историко-экономических проблем.

Союз религиозных анархо-коммунистов имеет этическую ориентацию, указывает на вечную взаимную зависимость экономического и духовного освобождения и не видит в насилии революционного фактора. Он сильно покровительствует тем действиям, которые указывают на пробудившуюся самостоятельность пролетариата: продуктивные товарищества, уклонение от воинской повинности, революционизирование профсоюзов и т. д. Вначале мы приписывали слабость анархистского движения в Голландии главным образом сильной раздробленности. Иностранцы должны принять во внимание то обстоятельство, что все эти группы возникли среди населения, десятая часть которого состоит из немцев. Когда сознание этой причины сделалось всеобщим, нынешним летом были предприняты шаги к более тесному соединению противопарламентских и антидиктаторских коммунистов-анархистов. Они исключительно преследуют цель объединенной организации. Остановились на федералистской мысли о совместной работе для определенных целей, причем каждая группа и организация в пропаганде своих собственных принципов, как и в издании своей газеты, могут оставаться вполне свободными и автономными и идти своей дорогой. В июле 1921 г. собралось 12 анархистов различных направлений, которые все же стояли на одной точке зрения, будучи противниками так наз. диктатуры пролетариата и соучастия в парламенте. Все согласились на созыв к 9 октября Конгресса противодиктаторских и противопарламентских анархистов.

На этом Конгрессе не удалось придти к взаимному обмену мнений. На нем царил великий духовный хаос. И все же, из 175 членов — 150, наверное, приехали с серьезным же-

ланием совместной работы. Конгрессом овладело около 5-ти вождей оппозиции, которые беспрерывно требовали слова, так что, благодаря их выступлениям все остальные были как бы запуганы. То были, главным образом, представители чисто разрушительного мировоззрения анархизма, противники всякой организации, которые, в сущности, не должны были принять участие в этом Конгрессе. Таким же несчастьем было в начале и то обстоятельство, что парламентаристы и сторонники диктатуры были зачислены как члены Конгресса.

Не смотря на все это, Конгресс не потерпел полного фиаско. К концу, большинством было выражено желание созвать второй Конгресс, ввиду чего была избрана комиссия для предварительных приготовлений.

Мы дали бы не полную картину анархистского движения в Голландии если-б не было хоть от части выяснено отношение этих групп к великим, всеобщим вопросам современной социалистической борьбы. Голландское анархистское движение уже в течение многих лет тесно связано с антимилитаристическим движением и это последнее та сфера, в которой главным образом и действуют голландские анархисты. Это обстоятельство придает анархистам разные оттенки: старшим — атеистическое; молодым — этико-свободно-религиозное направление. Большинство голландцев, уклонившихся от воинской повинности (их насчитывалось во время войны около 600 чел.), вышло из рядов анархистов и христианских социалистов. Конечно, есть много различного между антимилитаризмом этих групп, напр., в оценке применения насилия, как революционного средства.

Второе движение, по отношению к которому анархисты естественно отличались от марксистских социалистов — профессиональное. Также и к этому вопросу, существует совсем иное отношение, чем в Германии; 1-го января в V. V. V. (Соц.-Демокр. профсоюзе) насчитывалось 247—248, а в N. A. S. (Синдикалистском профсоюзе) 5157 рабочих. Есть еще кроме этих нейтральный ортодоксо-протестантский и один католический профсоюзы. Во всех

5-ти центральных профсоюзов насчитывается 547.220 членов; таким образом N. A. S. насчитывает почти 10% общего количества. Таким образом, в противоположность Германии, в Голландии большая часть организованных рабочих находится в синдикалистских организациях. Теперь, к сожалению, нельзя еще дать точный отчет о голландском синдикализме; в последнее время можно было заметить следующие явления:

а) — N. A. S. применилась отчасти к современным условиям, принимает участие в государственном социальном обеспечении безработных и т. д. Вследствие этого пробуждались очень часто в левых направлениях оппозиции, принявшие у некоторых форму непосредственной борьбы против каждого профессионального движения, за исключительное признание новых организационных форм, как было указано "Arbeiter Union'ом" у других — как стремление революционизировать синдикалистское движение (как в идейном, так и в отношении организационной формы), так, чтобы оно снова могло сделаться экономической организацией борьбы свободного социализма, а также предварительной подготовкой к "Социализации" на анархо-федералистской основе.

б) — После отказа Москвы от тактики создания коммунистических профсоюзов, или собственных фабрично-заводских организаций, началась также в Голландии организация ячеек в существующих предприятиях. Но прежде чем они проникли в предприятия, в виде попытки, был организован революционно-социалистический женский союз. Впоследствии, после многих внутренних раздоров, союз этот распался на две части: к одной примкнули анархистские элементы, к другой — коммунистические. Но ни один из этих союзов не называет себя открыто анархистскими или коммунистическими. (Союз коммунистических женщин — вследствие нового московского направления прекратил свое существование).

В кругах синдикалистского профессиональ-

ного движения разгорелась усиленная полемика между пропагандистами за вступление в Московский Интернационал Красных Профсоюзов и защитниками независимости профессионального движения от всех партий. Трудно определить насколько эта борьба имеет позитивное значение, повторяя возню с проблемами революционной тактики и насколько негативное, разрушая внутреннее единство предприятий и, ослабляя силу его внешнего давления. Но уже теперь, после 1½ года, можно установить, что политика организации ячеек вызвала сильное контр-направление и никоим образом не имела того успеха, который предполагали в начале. Само собой разумеется, что анархисты (поскольку они не противники всякой организации и профессионального движения, а исключительно борцы за рабочие юнионы) в этой борьбе высказались за независимость профессионального движения.

К концу надо еще упомянуть, что летом 1919 г. образовался комитет для борьбы с господствующим воззрением, о "преступлении и наказании", в котором представлены анархисты трех различных направлений и также некоторые коммунисты. Он преследует: с одной стороны — выяснение связи между криминализмом, как массовым явлением, с экономическими и культурными отношениями; с другой стороны — поднять человеческую реакцию против анти-социальных отношений выше уровня устрашения и так наз. "возмездия справедливости". Это было бы возможно, если всевозможные культурные проблемы — как первый пример назовем проблему воспитания и преподавания — были бы выработанными с нашей точки зрения и если-б специальные организации пропагандировали более свободные и человеческие мировоззрения на этом поприще, так как мы знаем, что старые идеологии не исчезают "сами собой", только должны быть коренным образом уничтожены и заменены новыми опытами.

Декабря 1921 г.

ВОЛНА.

Еще пара сильных ударов
И брешь зазяла в стене,
Прекрасная взору предстала
Борцам панорама в окне.
К свободе дорога открыта,
По ней люд рабочий идет,—
Ее восходящему солнцу
Торжественно гимны поет.
С годами, паук незаметно,
Ту брешь паутиной заткал

И к свету желанной свободы
Рабочему доступ прервал.
А что же случилось с теми,—
Где те, что за стену зашли?
Своими костями уложили
Дорогу к свободе они.
Но близок момент и остатки
Стены капитала падут
И всех пауков с их твореньем
Они под собой погребут.

С. В.

О ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В РОССИИ.

Петр Михайлов.

Свободно вздохнула русская учащаяся молодежь, когда после октябрьской революции, — осенью 1918-го года, правящая Коммунистическая Партия изданным декретом дала всем желающим возможность учиться и продолжать свое образование, посещать бесплатно школу и получить вспомоществование во время ученья, в виде бесплатного общежития и социального обеспечения.

Много желающих учиться съехалось тогда в Москву и Петроград, как два главных пункта российского образования: всем хотелось учиться в новой школе, свободной из-под опеки старого буржуазного строя. Аудитории 1-го и 2-го курсов Московских университетов были переполнены слушателями. Так, аудитории, предназначавшиеся раньше для 100—200 студентов, теперь вмещали 1500—2000 слушателей, в большинстве пролетарского происхождения, приехавших из различных далеких и темных уголков России. В стенах университета царил новая жизнь, новое настроение; учащиеся преследовали теперь иные цели чем прежде.

Однако, декрет о свободном приеме всех в высшую школу оставался действителен в течение только двух учебных годов, а жизнь в самой школе резко изменилась уже в середине 1919 г.

Учащиеся, имевшие в течение восемнадцатого и в начале девятнадцатого годов собственную инициативу в делах устройства внутренней жизни, впоследствии совсем потеряли ее, и стали всецело зависеть от государства и от созданных в школах и университетах коммунистических ячеек, состоявших из студентов большевиков и игравших, как мы увидим ниже, очень непристойную роль в жизни университета.

На общих собраниях эти коммунистические ячейки хотели подчинить себе всех студентов и в своем стремлении к этому не останавливались ни перед чем.

Общему собранию преподносились заранее

составленные резолюции, предлагавшие их коммунистов выбрать вершителями дел университета, членами правления, академических, хозяйственных комиссий и т. п. В случае провала их резолюций, они, не стесняясь, заявляли что если общее собрание выберет не выставленных в их списках коммунистов, то, все равно эти выбранные не будут утверждены Наркомпросом, т.-е. Народным Комиссариатом Просвещения (Луначарским и компанией). Не смотря на единодушные протесты учащихся, студенты большевики делали свое дело.

Они всячески противились свободному действию студентов, подрывали студенческие организации и мешали самому стремлению организовываться.

В случае же громких криков со стороны недовольных, коммунисты прибегали к распространенным в большевистской России мерам: доносили на виновных агентам правосудия чекистам. Последние, посредством своих университетских шпионов, в лице членов коммунистических ячеек, легко убирали с дороги недовольных так провинившихся якобы и зарвавшихся контр-революционеров.

Имея за своей спиной силу коммунистической партии, коммунистическим ячейкам легко было забрать в свои руки власть над учащимися В учреждениях Народного Комиссариата Просвещения и в учреждениях Военного Комиссариата Высших Учебных Заведений студенты коммунисты, будучи назначаемы выше, заняли места чиновников. Там подражая диктатуре пролетариата своих лидеров, они также, по этому образцу и подобию, создали в школах диктатуру над учащимися.

Каждый милитаризованный студент был обязан сдать не менее одного зачета или экзамена в месяц. Поэтому все студенты должны были ежемесячно являться для регистрации сданных экзаменов в воен. комисариат. В случае не выполнения этого минимума, учащиеся исключались

В О Л Н А.

из учебных заведений, или подлежали отдаче в солдаты. Такое отношение правительства к учащимся принуждало последних наскоро издавать зачеты, лишь для того, чтобы представить их своевременно в военные комиссариаты.

Не возможно было в такой короткий срок войти в сущность предмета, и сосредоточиться на нем до полного усвоения его. Словом, учащиеся — способом милитаризации — были превращены в солдат, повинующихся из-под палки своим начальникам. Учебные заведения превратились в казармы; наука, при всем желании учащихся, не могла носить серьезного характера и несоответствовала запросам учащихся.

Студенты большевики абсолютно не имели влияния на студенческие массы. Благодаря своей завоевательной политике и деятельности в качестве чиновников различных школьных учреждений, они, естественно, потеряли всякое доверие и уважение со стороны притесняемых ими студентов.

В организованные студентами "Курсовые Комитеты" попадала совсем незначительная часть "коммунистов". Так, в 1920 году от общего собрания студентов 1-го курса Медицинского Ф-та I Московского Университета — было выбрано только три "коммуниста". Остальные выбранные, в количестве 22-х, состояли из беспартийных, анархистов и меньшевиков. Такие же были выборы на других курсах Медицинского Ф-та, и во многих других университетах и школах.

Студенты большевики смотрели на курсовые комитеты, как на подсобные органы государства, беспрекословно повинующиеся казенным учреждениям, и действующие по указам чиновников этих учреждений. Тогда как все остальные студенты видели в курсовых комитетах совершенно автономные организации, защищающие интересы учащихся, и выполняющие волю всех учащихся посредством выбранных от различных студенческих группировок представителей, ответственных за свои действия только перед общим собранием всех студентов.

Начиная с 1921-го года, свободный прием в школу закончился. С этого времени высшая

школа стала доступной только для "коммунистов" и для лиц, близко стоящих к ним. На основании нового декрета, в первую очередь принимались в Высшую Школу окончившие "Рабочий Ф-т при I Московском Университете" для подготовки в Высшие Учебные Заведения" (на этом Ф-те разрешалось учиться только "коммунистам") и члены коммунистической партии. Во вторую очередь принимались лица командированные;

- 1) Профессиональными союзами,
- 2) Фабрично-заводскими комитетами,
- 3) Советскими учреждениями.

При чем командировка обязательно должна была быть подписанной двумя "коммунистами", удостоверяющими политическую благонадежность желавшего поступить в школу. Студенты протестовали против такого порядка приема в школу. На собраниях единогласно (за исключением "коммунистов") выносились резолюции, требовавшие автономии школы. Но "Народный Комиссариат Просвещения" не отвечал на эти резолюции ссылаясь на их контр-революционность

II

Как в старые годы царизма, так и в период революции, студенты далеко не были анти-революционерами. Выборы в "Курсовой Комитет" в 1921 году ясно показывают отрицательное отношение студентов к большевикам, но свидетельствуют распространенности среди студентов идей анархизма. На втором курсе Медицинского Ф-та I Московского Университета в том году было выбрано в курсовой комитет от тысячи студентов этого курса, 8 анархистов, 8 беспартийных (называющих себя беспартийными социалистами), 3 с-р. и 2 меньшевика. Большевики, потерпев крушение на этих выборах, объявили курсовой комитет вне закона. В Московском Университете, на ряду со многими студенческими организациями всех оттенков, с декабря месяца 1919 года была организована студенческая группа анархистов. В 1921 году, во время похорон П. А. Кропоткина эта группа объединилась с студентами анархистами других высших учебных заведений в общую организа-

цию, названную "Объединенной анархической организацией студентов г. Москвы". В эту объединенную организацию вошли анархические группы и отдельные товарищи следующих учебных заведений:

- 1) I Московский Университет;
- 2) II Московский Университет;
- 3) III Московский Университет;
- 4) Московская Горная Академия;
- 5) Высшее Техническое Училище;
- 6) I Строительный Институт;
- 7) Сельско-хозяйственные женские курсы (Голицинские);

8) Ветеринарный Институт.

Секретариат этой объединенной организации был арестован 18-го марта 1921-го года на своем очередном собрании (где обсуждались вопросы об открытии анархического клуба университета для чтения лекций по анархизму и т. п.) и препровождены в тюрьму В. Ч. К.

Три женщины, члены этого секретариата, после 4-х месячного заключения в тюрьме, были высланы в Архангельскую губ. Четыре же других студента, вместе с 9-ю анархистами других организаций, после 4-х месячного заключения в тюрьме объявили голодовку с требованием освобождения. На одиннадцатые сутки голодовки, к ним в тюрьму явился управляющий делами В. Ч. К. и заявил, что если прекратите голодовку, то будете высланы немедленно за границу. Голодавшие согласились. После этого были освобождены три следующих товарища: Шерешевский—член секретариата "Объединенного Анархического Студенчества", Гувеский—член украинской организации "Набат", Шилкин—член Всероссийской Федерации Анархистов.

Остальные же, трое студентов вместе с 7-ю анархистами других организаций, не смотря на формальное обещание советского правительства о немедленной отправке просидели еще два месяца в тюрьме и после целого ряда мытарств, были высланы за границу без права въезда в Россию под страхом смертной казни.

Студентами различных высш. учебн. заведений была организована "Комиссия Помощи Заклю-

ченным Студентам", в которую входили беспартийные, анархисты и меньшевики.

Комиссия помощи устраивала концерты, платные лекции в пользу заключенных и принимала добровольные пожертвования. Большевики мешали работе этой комиссии: не давали помещения для устройства лекций, концертов в пользу заключенных, и грозили арестом ее членам. После избития чекистами анархистов и социалистов в Бутырской тюрьме, студенты многих Московских учебных заведений созвали общее собрание, для организации протеста против издевательств над политическими заключенными (25-го апреля 1921 года политические заключенные Бутырской тюрьмы были насильно увезены в провинциальные тюрьмы, при чем увоз сопровождался избитием заключенных). Двор I Московского Университета был избран местом собрания студентами из различных высших учебных заведений.

Студенты меньшевики предлагали собранию вынести резолюцию протеста, анархисты же говорили, что довольно бороться резолюциями, и предлагали устроить демонстрацию с требованием освобождения заключенных и возвращения их из провинциальных тюрем. Собрание решило устроить демонстрацию и для подготовки ее была выбрана техническая комиссия, которой было поручено связаться с рабочими для совместного выступления.

За несколько дней до демонстрации, после второго собрания были произведены массовые аресты студентов. Студенты—члены технической комиссии и одиночки, арестовывались после окончания собрания на улице и во дворе университета. Всего было арестовано 29 студентов различных учебных заведений. Некоторые из них были высланы из Москвы в северные губернии.

Большевики желая прекратить продолжавшиеся волнения студентов перестали выдавать им продовольствие и закрыли студенческие столовые. "Народный Комиссариат Просвещения" закрыл все высшие учебные заведения и предложил студентам выехать из Москвы на летние каникулы, объясняя это неимением продовольствия. Студенты отказались от получения

продовольствия, и вернулись в Москву. Но большевики не разрешили студентам в этот срок вернуться в Москву и Техническое училище и голодные студенты умерли. Эпидемия в районных учебных заведениях привела к смерти многих из Москвы до сих пор.

Как встретил Комму

МА

Министерства, как са...
...массе, ...
...продной ...
...и мы должны сочув ...
...политически ...
...и они ...
...в прошлом, ког ...
...и угрожа более ...
...Настоящее же в ...
...и пролетари ...
...их уничтожен ...
...и движением рабов ...
...так было с двис ...
...и в мае с Разиним ...
...1.1. Так обстоит тепе ...
...или мы слышим непра ...
...и не меньшевиков осер ...
...и что же м ...
...и ответственн ...
...которой было ...
...смертельной опасности, р ...
...Конечно, прежде в ...
...Матвеем боролись ...
...своей партии. Одно ...
...и борьбу с контр-р ...
...Братия. Большевики

В О Л Н А.

продовольствия, и вернули правительству продовольственные карточки, требуя продолжения учения. Но большевики издали постановление, приказывающее студентам все-таки выехать из Москвы в течение двух недель; а в случае не выезда в этот срок грозили студентам Горной Академии и Технического Училища, отправить на практику административным порядком в самые глухие и голодные местности Донецкого Баейна, Эмбенского района; студентам же остальных учебных заведений арестом и насильной отправкой из Москвы до начала осенних учебных занятий.

Так встретила Коммунистическая Партия мо-

лодежь, и расправилась с ней жаждавшей свободы и знаний лишь за то, что она отвергла нового бога "диктатуру партии". Большевики умертвив революцию нанесли окончательный удар идее государственного социализма, и этим расчистили, загроможденный превратными понятиями путь, к истинной свободе, к настоящей социальной революции. Молодежь, получив эти наглядные уроки государственного коммунизма, стала понимать, что необходимо строить жизнь только на свободных началах безгосударственности, безвластия, — анархизма, и только таким путем придет к автономной свободной школе.

МАХНОВЩИНА И АНТИСЕМИТИЗМ.

М—нт.

Махновщина, как самобытное и революционное движение масс, угрожавшее одно время повсеместной народной революции, естественно не могла встретить сочувствия ни в одном из современных политических учений. Такие движения воспеваются и опоэтизирываются обыкновенно в прошлом, когда они уходят в даль веков, не угрожая более современному укладу жизни. Настоящее же встречает их всегда, с ненавистью и проклятиями, прибегая ко всем средствам их уничтожения. Так было с древним движением рабов под руководством Спартака; так было с движениями русских крестьян во главе с Разиным, Пугачевым и т. д. и т. д. Так обстоит теперь и с махновщиной. Если мы слышим неправду об этом движении из уст меньшевиков эсеров, большевистствующих анархистов, то что же можно услышать о нем из уст правительственной партии, самое существование которой было поставлено под угрозу смертельной опасности, развитием этого движения? Конечно, прежде всего ложь.

Махновцы боролись с насилием коммунистической партии. Одновременно они вели жестокую борьбу с контр-революцией Деникина и Врангеля. Большевики прекрасно знали это,

тем не менее с бесстыдным лицом они заявляли повсюду о том, что Махно находится в формальном военном и политическом союзе с названными генералами.

Коммунистическая власть, борясь с махновщиной, не могла, конечно, не использовать такого, испытанного всеми властями средства, как антисемитизм. Мы не имеем документов, где бы эта власть открыто связывала проявления антисемитизма с махновским движением. Но чудовищная легенда об антисемитизме в махновщине давно пущена ею в свет, неустанно поддерживается ее агентами и естественно привлекает к себе, прежде всего, внимание еврейских масс.

Нечего и говорить, что легенда эта — постыдная ложь.

В России, и, быть может, во всем мире, махновская армия является единственной, не причастной ни к каким анти-еврейским актам.

Махновщину следует рассматривать двояко. Во-первых — армию, вечно передвигающуюся, и во-вторых — широкое крестьянство, живущее оседло на своих местах, но связано с армией идейно и даже организационно. Как армия, так и широкая крестьянская масса, были

лучшими друзьями трудового еврейства. Еврейское население Гуляй-Поля, Александровска, Бердянска, Мариуполя и многих других городов и местечек, может самым полным образом свидетельствовать о том, что в лице махновцев оно имело неизменных друзей-революционеров.

В качестве участников движения, мы располагаем всем материалом, имеющим отношение к данному вопросу. Приведем наиболее существенное из этого материала.

12-го Мая 1919 г. в еврейской земледельческой колонии Горькой, Александровского уезда, было убито несколько еврейских семейств — всего около 20 человек. Штаб махновцев немедленно назначил комиссию, которая установила, что совершившие убийства были крестьяне соседнего села Успеновки, в числе 7 человек. Хотя крестьяне эти не входили в повстанческую армию, тем не менее они были осуждены и казнены военным судом махновцев. После было установлено, что этот случай и попытки к другим подобным случаям, находились в связи с денкинскими отрядами, просочившимися в Гуляй-Польский район и подготавливавшими подобными актами благоприятную почву для своего общего вторжения на Украину.

В мае месяце 1919 года, в гор. Елисаветграде отрядами атамана Григорьева, не имевшими никакого отношения к махновскому движению, был совершен огромный еврейский погром... Было убито несколько тысяч человек евреев, почти все еврейское население разграблено. Махно и его товарищи были сильно потрясены этим. И тогда же порешили, — что никто, но лишь они должны казнить Григорьева. Задача была довольно сложная. Махно ее выполнил. На съезде партизан Таврии, Херсонщины и Екатеринославщины — в Июле 1919 г. — он помимо прочих обвинений, поставил Григорьеву в неискусимую вину погром в Елисаветграде и на глазах съезда расстрелял его со всеми его штабом. Ответственность за убийство Григорьева все революционное пов-

станчество взяло на себя, а съезд запротоковал это убийство, как акт исторически необходимый.

5-го Мая 1919 г., Махно, проезжая через станцию Верхний Токмок, неожиданно увидел висевший на ней плакат с надписью: — "Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батько Махно!" Махно немедленно потребовал автора этого плаката. Явился партизан, лично известный Махно, принимавший участие в боях с денкинцами и человек в общем не плохой. Махно тут-же застрелил его в присутствии многочисленного народа.

Хороши ли, плохи ли приведенные факты, но они свидетельствуют об одном — суровом преследовании махновцами всяких антисемитских проявлений.

В обширном повстанческом круговороте 1918—1919 г. г., могли, конечно, быть отдельные лица с анти-еврейским направлением, но они являлись продуктом не повстанчества, а общей русской действительности, и не имели никакого значения в целом движении. По обнаружении они обычно немедленно ликвидировались.

Точно также, проявлявшиеся в разных местах Украины вспышки антисемитизма не имели никакого отношения к махновцам.

В самом махновском движении не малую роль играли революционеры-евреи, многие из которых отбывали, долгосрочную каторгу за революцию 1905—7 г. г. Хорошая половина членов культурно-просветительного отдела армии махновцев были евреи. Председателем высшего органа движения — Районного Военно-Революционного Совета — был еврей, анархист Когон, бывший ранее рабочим, но перешедшим еще до революции, по мотивам духовного характера, к земледельческому труду. Не один десяток, лучших революционеров из евреев, служили свои головы в рядах махновщины, которая для них являлась единственно революционным и народным движением.

Антисемитизм существует, как в России, так и ряде других стран. В России и в част-

ности на Украине он проявлялся не как результат революционной эпохи или повстанческого движения, а как наследие прошлого. Всегда махновцы сурово боролись с ним делом и словом. За время своего движения они выпустили ряд изданий, призывавших массы на борьбу с этим злом. Можно смело сказать, что в области борьбы с антисемитизмом, на Украине и за пределами ее, махновцы совершили огромное дело.

Махновщина есть низовое революционное движение масс, оно носит в себе глубочайший дух братства народов, который свойствен лишь пострадавшему труду. Она — одна из немногих мест в современных социальных движениях, где не знают и не интересуются знать ни своей, ни чужой национальности, но где главное — труд и свобода труженика.

Антисемитизмом издавна пользуются правительства разных стран в целях упрочения своего положения. Не отказалась от этого и коммунистическая власть. Конечно, приемы ее не те, что были при царе, а более тонкие, "социалистические", но сущность от этого не меняется: — она умышленно-ложно создает призрак еврейского народного бедствия, фальсифицирует антисемитизм, стремясь восстановить, таким образом одну часть тружеников против другой, поселить вражду в еврейских массах к величайшему, когда-либо существовавшему движению русских крестьян и рабочих. Это мы с полным правом можем назвать антисемитизмом, проявляемом лишь в другом виде.

Это пусть послужит уроком еврейским труженикам и заставит их быть настороже.

— 0 —

ВОЗЗВАНІЕ ГРУП. РУСС. АНАРХ. В ГЕРМАНИИ

КО ВСЕМ ТОВ. И АНАРХ. ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Дорогие товарищи!

Всем вам, вероятно, более или менее известно, что в Германии нашли себе, в настоящее время, приют русские анархисты, частью высланные из пределов России большевистским правительством, частью вынужденные бежать от преследований этого правительства.

Само собой разумеется, что все они хотят и здесь, по мере сил и возможности, продолжать служить тому делу, за которое боролись там.

Целый ряд крупнейших и неотложнейших задач вырастает перед международным анархическим движением, в связи с событиями последних лет. Ценную помощь в деле разрешения этих задач могут и должны оказать именно русские анархисты, пережившие опыт революции и вынесшие из этого опыта немало поучительного.

С другой стороны, анархическая работа в самой России должна продолжаться. Находящиеся за-границей русские анархисты не только сознают свою обязанность, но и горячо стре-

мятся сделать все, от них зависящее, чтобы помочь товарищам в России восстановить и наладить эту, временно нарушенную, работу. В этом отношении тоже на их плечи ложатся весьма крупные, важные и спешные задачи.

Понимая, что первым необходимым шагом в направлении продуктивной работы служит известное объединение сил, — нижеподписавшиеся товарищи организовали в Берлине "Группу русских анархистов в Германии".

Группа объединяет товарищей различных анархических течений на началах широкого понимания анархизма и в целях широкой работы. Группа считая, что бесконечные "фракционные" пререкания между анархистами "синдикалистами", "коммунистами" и "индивидуалистами", — имея, быть-может, известный теоретический интерес, — наносят, однако, успеху живого анархического движения гибельнейшие удары. Поэтому, группа не присваивает себе того или иного специфического характера и объединяет товарищей, — как "синдикалистов", так и "коммунистов" и даже "ин-

дивидуалистов", — желающих, прежде всего, вести планомерную активную работу по развитию и распространению анархических идей в трудовых массах.

Ближайшими своими задачами группа ставит: 1) издание анархического органа (двух недельного или, в крайнем случае, ежемесячного) на русском языке — как для России, так и для за-границы; и 2) постановку правительственных сношений с Россией, в целях помощи восстановлению и укреплению там анархической работы.

Близость к России открывает перед группой широкие возможности, делает работу ее особенно необходимой и доступной. При хорошей постановке дела, группа может служить связывающим звеном между русским и заграничным анархическим движением, и деятельность ее может приобрести исключительно важное значение.

Для успешного разрешения поставленных задач, группа нуждается, конечно, — в особенности на первых порах, — в серьезной моральной и материальной поддержке товарищей и организаций.

Под моральной поддержкой мы разумеем: присылку группе корреспонденций о положении дел на местах, литературных материалов, печатанных изданий и т. д., а также печатание обращений группы и пр.

Под материальной поддержкой разумеются, конечно, прежде всего, — денежные средства.

Группа обращается, поэтому, ко всем анархическим организациям и отдельным товарищам с просьбой:

1) присылать ей корреспонденции, материалы и т. п.; 2) не откладывая, приступить к делу сбора и отправки необходимых для работы денежных средств.

Товарищи сами хорошо понимают, что от их энергичной и, по возможности, широкой помощи зависит дальнейшее.

Подробные денежные отчеты будут опубликовываться в печатном органе группы и рассылаться отдельно.

Все материалы, переписка, а также и деньги для группы должны быть отправляемы, при пояснительном письме, по адресу:

Herrn Theodor Krausch
Kniprodestrasse, 4

Germany Berlin, No. 18
Deutschland.

Берлин, Март 1922 г.

Просим другие анархические органы перепечатать настоящее обращение.

С товарищеским приветом
Секретарь Волин.

Члены группы:

Алексей Бочеров, Павел Пояка, Ямпольская, Н. С..., Г. С..., Саша-Петр, Юдин, П. Михайлов, М. Воробьев, Анатолий, Ф. Крауш, А. NN.
J. Vitez.

АНАРХИЗМ ЛИКВИДИРОВАН.

А. В.

Кто изучает историю рабочего движения всего мира и следит за его развитием, тот не может не заметить той страшной трагедии, которая произошла в первый раз в данной стране, тридцать четыре года тому назад, в городе Чикаго; когда изнуренные от холода и голода рабочие в первый раз выступили организованно с требованием улучшения своей рабочей доли, получив в ответ пули и тюремные заключения,

впоследствии закончившиеся казнью пяти анархистов. Американская буржуазия этим хотела достигнуть двоякой цели: во-первых, дезорганизовать рабочие ряды и посредством штрафов, тюрем и виселицы заставить рабочих принять условия продиктованные предпринимателями; а во-вторых, вырвать из среды рабочих самых лучших, самых сильных духом борцов за освобождение трудящегося класса от иго

В О Л Н А.

капитала и власти. И понятно, тяжелая рука мести обрушилась на головы анархистов, как передовых бунтарей против политического и экономического неравенства, которые и были повешены по требованию буржуазии и законодателей. Анархисты повешены, буржуазия лихорадит и справляет свою тризну, с диким восклицанием пожимая друг другу руки восклицает: страна не в опасности! анархизм ликвидирован! Но по прошествии более тридцати лет, мы видим, что анархизм не ликвидирован, а наоборот, растет с каждым днем все больше и больше, захватывает все шире и шире трудящиеся массы. Если тридцать лет тому назад были единицы, то теперь мы видим сильное анархическое движение, которое становится угрозой всему современному строю государственности, со всеми его атрибутами власти и религии.

Следовательно, нам не приходится удивляться жестоким действиям по отношению анархических организаций и их печати, всех правительств вообще и Вашингтонского в частности. Видя пред собою быстро растущие анархические силы, правительство американских извергов, решило в Ноябре месяце 1919 года вновь предпринять акт насилия, выслав отряд вооруженных Пальмеровских молодцов против Федерации Союзов Русских Рабочих, разгромив печатные органы, арестовав тысячи членов, которые после долгих пыток и страданий были изгнаны из пределов страны. Опять те же восклицания и возгласы раздаются из уст правителей: анархизм ликвидирован! анархизм ликвидирован! Но, увы!!..

Не успели палачи омыть свои пухлые руки от нашей рабочей крови, не успели отпраздновать свой кровавый пир, как вновь растет Анархо-Коммунистическое движение и с новой морской волны подмывает устой современного рабского строя, который шатается во все стороны и энергией, все глубже и глубже, как роны и при первом дуновении ветра обрушится в глубокую бездну безвозвратно. Нет такой силы, которая бы могла остановить этот прибой народной воли, народного желания, быть

свободным от гнетущих цепей рабства. Ни американские тюрьмы и высылка со всеми ее жестокостями, не испанские инквизиторы отражающие ядом сотни анархистов ежедневно, ни большевистское правительство в России, которое взяло на себя роль палача, чтобы уничтожить анархическую идею, — не в силах это выполнить. Хотя большевистские тюрьмы и подражают своим всемирным коллегам, подобно попугаю повторяя: Анархизм ликвидирован! но эти возгласы, это ликование звучит наивно и по-детски смешно. Если большевистской олигархии и удалось разгромить анархические клубы, расстрелять и задушить в тюрьмах, несколько сот анархистов, а остальных загнать в подполье, то это еще не доказывает, что анархизм ликвидирован; наоборот, мы можем с уверенностью сказать, что не далеко то время, когда терроризованное анархическое движение, во всех странах выйдет из подполья и из оборонительной позиции перейдет в наступательную... Горе вам тогда правители-владыки!

Уже близится момент беспощадной жесточайшей битвы труда с капиталом; анархических рабочих свободных союзов, с отживающими свой век, этими пропитанным нашей рабочей кровью страшным чудовищем государством, со всеми его институтами рабства и законов. Пусть скорее наступит этот момент; пусть скорее грянут бури; пусть выше подымутся народные волны и разрушат до основания мир—мир насилия и слез и воздвигнут великий идеал Анархизма!

Заявления Редакц. Коллегии: 1) — Вследствии недостатка места в журнале, окончание статьи "Анархическая революция" Жорж Барет — будет помещена в следующем номере.

2) — Всех товарищей имеющих еженедельного "Голос Труда" следующие №№, или какие либо из них: 41, 49, 50, 51, 53, 54, 56, 61, 62, 64, 69, 72, 83, 99, 100, 102, 103, 108, 112, 121, 129, 131, 132, 134, 135 и 136. Редакц. Коллегия просит просмотреть их и если имеются стихотворения за подписью В. Э. сообщить ей в возможно непродолжительный срок. Сообщите при том и № газеты.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА. ДОСТИЖЕНИЯ КОНГРЕССА.

Фред С Грахам.

Интернациональный Анархический Конгресс был не полным представителем активного мирового анархического движения. Не мог он быть таковым по многим причинам; время было слишком ограничено.

Притеснения которые анархические движения переносят в разных странах, воспрепятствовали извещению их о созыве Конгресса во время и сделали их участие в нем невозможным благодаря строгим паспортным урегулированиям.

Таким образом, Конгресс может рассматриваться как информационная подготовительная конференция, положившая основу для другого собрания, которое действительно будет Конгрессом, в полном смысле этого слова.

Заключения и резолюции теперь всем известны и поэтому настало соответственное время для анализа их самых важных фаз.

Анархист не может следовать действиям большевика, который одобрительно проглатывает все что сделал их Интернациональный Конгресс. Мы конечно должны дать наши одобрения тому, что понимается нами основательным и справедливым, но никогда не должны колебаться провозгласить наши неодобрения тем действиям Конгресса, которые нам кажутся не основательными и несправедливыми.

Самым важным достижением Конгресса является основание корреспондентского Бюро, которое, несомненно, будет в состоянии привести анархистов всего мира в более тесные сношения.

Резолюции касающиеся организации, необходимости интернационального языка и другие мелкие резолюции—также своевременны и на них не будем возражать.

Другие принятые резолюции показывают, к сожалению, что делегаты были не в состоянии охватить нужд момента. Анархисты почти всех

стран выступили против диктатуры, потому что было бесполезно для Конгресса проводить резолюцию повторяя то же самое. То чего большинство из нас ожидало—это ясно выработанный ответ, что анархисты выдвигают взамен диктатуры? Такой ответ был необходим не только потому, чтобы быть довольно сильным для предупреждения повторения захвата социальной революции марксизмом, но также был бы отпором, который мог быть воодушевлением и надеждой для обеспечения лучшего успеха будущих революций, чем это случилось с революцией в России. В этом направлении Конгресс потерпел более чем крайнюю неудачу. Он принял резолюцию рекомендуя анархистам помогать организовывать Синдикалистский Интернационал. Делая это он дал первый раз в истории анархического движения, полную поддержку и одобрение синдикализму. Для тех которые знакомы с анархическим движением и с началом синдикалистического, не нужно много говорить относительно разделяющих мнений, которые преобладают в анархическом движении по отношению к синдикализму.

Некоторые из даровитейших представителей анархизма и большая часть рядовых членов были против синдикализма. Факты указанные тов. Роккером на Конгрессе, что тов. Кропоткин пред его смертью, выразил желание работать в синдикалистском движении, или, что тов. Малатеста в Италии теперь благосклонно относится к нему, ни в коем случае, не были достаточным основанием для выступления за синдикализм.

Как анархисты, мы не должны слепо следовать за Кропоткиным или Малатестой. Как большевики следуют за Лениным и Троцким. На стороне от этого можно указать, что "Федерация Анархистов Украины "Набат", на своей конференции в сентябре 1920 г. выступи-

ла в абсолютной оппозиции к синдикализму. Так же на Съезде Российских Анархистов Соед. Шт. и Канады (где присутствовали делегаты от английски и украински говорящих движений), состоявшемся в Ноябре 1921 г., на котором не только не была принята благосклонная резолюция по отношению к синдикализму, но во время дискуссий большинство делегатов резко высказались против последнего. Даже там в Германии, где состоялся Конгресс, один товарищ заметил перед делегатами, что тов. Роккер не представляет анархического движения, которому наносится все более и более вреда синдикалистским, пожирающим самые энергичные его силы. Эти немногие факты показывают, что делегаты сделали громадную несправедливость проводя такую резолюцию во имя анархистского движения, тогда как они знали, что анархистское движение ни в коем случае не гармонировало с синдикалистским.

Это только одна часть ошибки сделанной проведением упомянутой резолюции. Более необдуманное действие исходящее оттуда заключается в том факте, что на состоявшейся Интернациональной Конференции Синдикалистов в Берлине, в декабре 1920 г., одна из принятых единогласно резолюций (на которую указал тов. Роккер), выступила за "Диктатуру Труда" вместо "Диктатуры Пролетариата". Заключение выведенное отсюда таково, что Синдикалистский Интернационал, который должен быть основан, будет поддерживать "Диктатуру Труда". Украинская Федерация "Набат", была поставлена лицом к лицу с таким же вопросом и определенно выступила в оппозицию этой перемены фразеологии, как простой увертки, которая также опасна и обманчива, как большевистская фраза: "Диктатура Пролетариата".

Косвенно делегаты на Интернациональном Анархическом Конгрессе благосклонно выступили к "Диктатуре Труда". Они не сознавали, что в другой принятой ими резолюции, они выразились против какой бы то ни было формы диктатуры. Это доказывает, что большинство делегатов на Конгрессе были синдикалистами, или им сочувствующими. Во всяком случае товарищи,

как Роккер, должны бы предвидеть это и не помогать со всей их энергией провести в Конгрессе резолюцию, которая, когда анализирована, превращается в очень глупые если не вредные противоречия.

Будучи не в состоянии подготовить послание, которое было так необходимо, т. е. то, что анархисты предлагают взамен диктатуры—Конгресс сделал бы гораздо лучше не проводя такую резолюцию, как ответ на эту нужду.

Будем надеяться, что следующий Конгресс, будучи более представленным, будет в состоянии высказать в ясной форме это нужное послание. А пока принятые на Конгрессе резолюции, должны ли рассматриваться, как обязательные, когда мы не соглашаемся с некоторыми из них, или со всеми ими?

Ни в коем случае нет.

Пусть анархические группы и пресса продискутируют эти резолюции основательно. Таким родом произойдет обмен мнений, кристаллизация мыслей и когда придет время для следующего Конгресса, мы будем знать определенно и ясно, какое послание мы, анархисты, выдвинем для трудящихся масс.

Хотя Конгресс и не сумел подняться на предполагаемую и ожидаемую некоторыми высоту, тем не менее его организационные достижения, сами по себе, положили основу для Анархического Интернационала и пополняют все его ошибки и недочеты.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ: ПРОТЕСТ И ТРЕБОВАНИЕ.

Детройтчанин.

В 178-м № "Голоса Труженика", был помещен ответ на письмо, полученное от Рабочего из Канады, под заглавием: "Нашему Критику". Этот рабочий канадонец (по всей вероятности индустриалист), прочитав в "Волне" о возмутительном поступке И. Р. М. в Детройте, написал письмо в редакцию "Г. Т.", в котором, как заявляет Ред. Кол., объявляет И. Р. М. в измене лозунгу: "все за одного и один за всех".

Редакционная Коллегия "Г. Т." воспользо-

териях несправедливости и не на словах, а на деле защищающих и воплощающих в жизнь лозунг: "все за одного и один за всех".

Во имя справедливости я должен осветить этот вопрос немного шире, как для рабочего канадца, так и для всех читателей "Волны", а равно и Редак. Колл. "Г. Т.", и заставлю говорить факты, дабы тов. читатели не брали "на веру слова любого Дон-Кихота", как обозвала меня Р. К. "Г. Трудника".

Я не буду защищать Т. Мазура, а оставлю эту сторону вопроса Ред. Колл. "Г. Труд.", ибо поступки Мазура в тюрьме, глубоко противоречат принципам и чести революционера (обо всем подробно я напишу Ред. Колл. "Г. Т."). Но Мазура винить я не буду, тут скорее виновны сами индустриалисты, не применившие солидарности и взаимопомощи к Мазуру, который находясь на свободе, поскольку он понимал принципы Ин-ма, не только придерживался таковых, но и пропагандировал таковые, чему фактом есть его арест с литературой И. Р. М., но попав в тюрьму он был забыт всеми.

Т. Мазур был арестован случайно, когда он вез чемодан с литературой И. Р. М. на английском языке, за исключением газеты "Г. Труд.". Попав в тюрьму и просидя несколько месяцев, тюремный режим, пища и полная изолированность с внешним миром, сильно подействовали на Мазура. Знакомых тов. у него в Детройте не было, так как он приехал из другого города, где он жил раньше и принадлежал к юнionу И. Р. М. В Детройте существует отдел И. Р. М. (американский), которому заявлено самого секретаря отдела, в котором Мазур достал литературу и (Ред. Колл. "Г. Т." заявляет, что в Детройте не существует русского отдела; спрашивается, какая разница между американским и русским? Ведь И. Р. М. наций не признают?) Вот тов. Мазур решил обратиться в этот амер. отдел, надеясь, что ему чем-нибудь помогут (хотя бы пища и посещениями).

На его письменное обращение к И. Р. М., в один прекрасный день, к Мазуру явился секретарь местного отдела, и первое о чем он спросил Мазура — имеет ли он юнионную книжку?.. У Мазура, к сожалению, таковой не оказалось, он говорил, что потерял, (об этом лучше должна знать Ред. Колл. "Г. Т.", которая, между прочим, признает его за члена, для нас же достаточно того, что он был арестован с литературой И. Р. М.). Ответ секретаря был таков — помочь он ему не может, если членской книжки нет, значит, ты Мазур, не член, и с тем ушел.

Долгое время Мазура никто не посещал (он просидел пять месяцев на Элис Айланде), из индустриалистов посетил его один раз тот (и то случайно ненарочно), который пел дифирамбы о революционности и сознательности Мазура, на страницах "Г. Труд." в одном из октябрьских номеров. В разговоре с Мазуром он ему обещал не только помощи, а даже освобождения, так как, дело де мое, очень ничтожное. Но все, что пришлось видеть — это корреспонденцию на страницах "Г. Труд.", где качества Мазура слишком возвышались.

О тех многих письмах, которые Ред. Колл. "Г. Труд." получала от Мазура, было бы очень хорошо, чтобы Мазур сам сказал нам свое слово; но его нет, он депортирован. Обвинять же он не мог никого кроме себя, как он часто говаривал еще в тюрьме: "Ах, не знал я где справедливость, — если бы мне выйти еще на Волю!.."

И я тоже не обвиняю, ибо, сказать правду, осветить действительность, бичевать несправедливость, еще не значит что я хотел это сделать ради злоупотребления, или "рекламы". Для меня нет разницы кем творится несправедливость; раз я ее вижу и сознаю, считаю своим долгом бороться против таковой и искоренять ее.

Я знаю о сотнях членов И. Р. М. томящихся в тюрьмах, как знает о них каждый сознательный рабочий, каждый революционер; и не только знаю, а и содействую ихнему освобождению поскольку это в моих силах — про-

пагандой за уничтожение современного капиталистического строя, с падением которого будут разрушены и те бастии, в которых томятся наши лучшие товарищи борцы. Знаю также, о которых может быть не знает Ред. Колл. "Г. Труж.", или не хочет знать, о тех сотнях и даже тысячах "Волновцах", "Бунтарях", "Хлеб-Вольцах" томящихся в казематах мирового капитала и власти.

"Волна" имеет в этой, стране "демократии", десятки тов., арестованных, терпящих побои и издевательства со стороны власти имущих, о которых "Г.Т." не знает или нарочно умалчивает. Корреспонденция моя помещенная в 23-м № "Волны" и носила характер о арестах, а не "пасквиля", если Ред. Колл. "Гол. Труж." ошибочно поняла мою корреспонденцию, то в этом не моя вина. Но я не могу поверить чтобы Р. К. допустил такую глубокую ошибку — а умышленно злоупотребила. Я протестую против таких нечестных нападок! И требую от Ред. Колл. "Голоса Труженника", взять обратно грубые, незаслуженные, грязные, циничные слова, пущенные по моему адресу как: "Дон-Кихот", "Пасквилист" и "пасквиль".

Надеюсь, что каждый товарищ чья честь и революционное достоинство затронуты выход-

кой и печатным заявлением Ред. Колл. Г. Труж.", поддержит мой протест и требование.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Союза Русских рабочих г. Бериссо Аргентина. Уважаемые товарищи Редакционная Коллегия "Волны".

На одном из общих собраний Союза Русских Рабочих в Бериссо (входящий в состав Федерации Российских Рабочих Организаций в Южной Америке), разбираясь с вопросом о выписке "Волны"—вынесли следующую резолюцию:

—Читая журнал "Волну" и сознавая, что таковой—истинно революционный проповедник и выразитель рабочих интересов,—и проповедывая истинные пути к полнейшему освобождению от ига капитала и власти, и за восстановление безвластных анархо-коммунистических обществ,—мы решили единогласно завязать с вами товарищескую связь и выписывать по пятьдесят экземпляров каждого номера, так как здесь русская рабочая колония нуждается в таковом и есть надежда на успех в распространении. Одновременно с письмом высылаем вам десять долларов на первые пятьдесят экземпляров (сколько нехватит известите)...

От Союза Русских Рабочих в Бериссо: Подпись

Печать

ОТЧЕТЫ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТЧЕТ А. К. ГРУП		Полит. Права	—	—	—	20	.2	0.40											
ПЫ Ф. С. КАНАДА, ОТ 16-го ИЮЛЯ		Чикаг Драма	—	—	—	10	.10	1.00	Выручка за ж. "В" с 1-го по 18										
1920 г. ПО 1-ое сент, 1921 ГОДА.		Соч. Бак. в пер.	—	—	—	27	135	36.45	и К. А.										
Хлеб и Воля		—	—	—	—	17	.75	12.75	—	—	—	—	—	—					
Взаим. пом.		—	—	—	—	9	1.00	9.00	Речи Бунт	—	—	30	1.00	30.00					
Госуд и его роль в Ист.		50	.15	7.50	Анархисты	—	—	—	—	—	—	5	1.00	5.00					
Что так. Анарх.		—	—	5	.45	2.25	Анархия	—	—	—	—	7	.15	1.05					
Из Прог. С. Анарх.		—	—	11	.50	5.50	20 лет тюрьмы	—	—	—	—	40	.10	4.00					
Приход:																			
Была получена след. литература:																			
Будущее Общ.		—	—	—	7	.75	5.25	Полит эконо	—	—	—	14	.65	9.10	1	24	15	3.00	
Так гов. Бак.		—	—	—	15	.6	0.90	Наука Робит.	—	—	—	40	.30	12.00	2	25	"	3.75	
Сов. Р. и К. Деп.		—	—	9	.2	0.18	Конеч. Револ.	—	—	—	—	50	.5	2.50	3	25	"	3.75	
Анарх. С. и Крит. Синд.		10	.15	1.50	На у. яз. Лад	—	—	—	—	—	—	100	.2	2.00	4	100	"	15.00	
Прав. Нач. Аз.		—	—	10	.15	150	..Итого на сумму	—	—	—	—	—	—	163.63	5	95	"	14.25	
Маниф. А. К.		—	—	—	10	.8	0.80	Из ней выслано в Рос. на	—	—	—	—	—	31.20	6	90	"	13.50	
																7	100	"	15.00
																8	64	"	9.60
																9-10	12	"	2.40
																11	34	"	5.10
																12-13	25	"	3.75
																14	25	"	3.75
																15	25	"	3.75

16 35 " 5.25
17 25 " 3.75
"Клич А." 26—3.99
Итого за ж. "В" и "К. А" 110.10
Выручено за "Своб. Общество": ..

1 102 15 15.30
2 37 " 5.55
3 35 " 5.25
4 19 " 2.85

Итого за "С О" — — — — — 28.95
Общ. приход за "В" и "К А. 110.10
"....."С. О" — — — — — 28.95
".....Литер. — — — — — 116.48
Итого — — — — — 255.53

Расход по переправе и доставке из
С. Ш. в Канаду, а также из Кана-
ды в С. Ш.

Доставка "В" № 4 — — — — — 17.85
Переп. "В" № 5 — — — — — 10.00
" " № 6-7 — — — — — 87.00
" литер. и "В" № 8 — — — — — 128.75
" литер. и "В" № 9-10 — — — — — 72.50
" литер. и "В" № 12-13 — — — — — 85.80
" литер. и "В" № 14-15 — — — — — 52.00
Итого расходу — — — — — 453.90
Общий расход — — — — — 453.90
Общий приход — — — — — 255.53
Дефицит — — — — — 198.37

ОТЧЕТ РАЗЪЕЗДНОГО АГИТАТОРА ПРИХОД:

Фед. 29 н. — — — — — 100.00
Тор-то 8 де. — — — — — 25.00
Де-т 28 де. — — — — — 30.00
Ро-ер 4 ян. — — — — — 26.00
Ну-рк 13 ян. — — — — — 8.00
Е-ет 15 ян. — — — — — 15.00
Нью-рк 15 ян. — — — — — 6.50
Бр-рт 19 ян. — — — — — 5.00
Нью-Ге-н 20 ян. — — — — — 6.00
Ме-ен 24 ян. — — — — — 3.00
Во-ри 25 ян. — — — — — 5.00
Ан-ия 26 ян. — — — — — 2.00
Фи-ия 2 фев. — — — — — 4.00
Ше-ор 3 фев. — — — — — 3.00
Бе-чем 6 фев. — — — — — 4.00
Бе-чем (чис. по с'езду) 6 ф. 14.85
Уни-сал. 8 фев. — — — — — 15.00
Эм-дж 10 фев. — — — — — 5.00

По-таун 15 фев. — — — — — 5.25
Бл-нд 18 фев. — — — — — 30.00
Итого получено — — — — — 312.60

РАСХОД:

Остав. семейству в нач. дек. — 50.00
Железнодорожн. билеты:
Дет-т — Ал-он — — — — — 3.68
Дет-т — Ниар-фол — — — — — 10.37
С.-Томас — Лондон — — — — — 0.45
Лон-н — Тор-то — — — — — 4.00
Тор-то — Гом-он — — — — — 1.40
Гом-он — Кит-ер — — — — — 1.55
Кит-ер — С.Ке-ин — — — — — 2.70
То-ад — Ве-нд — — — — — 0.40
Ве-нд — Тор-д — — — — — 0.40
С.-Кет-н — Форд — — — — — 7.65
Дет-т — Ро-ер — — — — — 13.24
Ро-ер — Си-юз — — — — — 2.90
Си-юз за ночлег — — — — — 1.00
Си-юз — Ю-ка — — — — — 1.40
Ю-ка — Ром — — — — — 0.56
Ром — Нью И. — — — — — 9.05
Н. И. — Ел-ет — — — — — 0.61
Ел-ет Ну-к — — — — — 0.17
Ну-к Ел-ет — — — — — 0.16
Ел-ет — Н. И. — — — — — 0.18
Н. И. — Бр-рт — — — — — 2.01
Бр-рт — Н. Ге-ен — — — — — 0.62
Н. Ге-ен — Гар-д — — — — — 1.32
Гар-д — Ме-он — — — — — 0.65
Ме-он — Во-ри — — — — — 0.50
Во-ри — Ан-ия — — — — — 0.50
Ан-ия — Бр-рт — — — — — 0.57
Бр-рт — Н. И. — — — — — 2.01
Н. И. — Фи-ия — — — — — 3.24
Фи-ия — Ше-ор — — — — — 3.96
Ше-ор — Бе-сем — — — — — 2.66
Бе-гем — Пит-ург — — — — — 12.23
Пит-ург — Уни-ал — — — — — 0.38
Уни-ал — Рус-он — — — — — 0.44
Рус-он — Пит-ург — — — — — 0.88
Пит-ург — Эм-дж — — — — — 0.60
Эм-дж — Н. Ке-ел — — — — — 1.20
Н. Ке-ел — Ион-ун — — — — — 0.45
Ион-аун — Ак-он — — — — — 1.92
Ак-он — Кл-анд — — — — — 0.90
Кл-анд — Дет-т — — — — — 5.93
Всего железнодорож. расходов первая
сумма оставленная семье — 154.84

Почтовые, телеграфные, трамвай-
ные, стирка белья, покупка белья (в
Канаду не возможно было ничего
взять, а потому пришлось купить),
и другие расходы по содержанию за
весь период — — — — — 114.44
Возвратившись уплачено накоплен-
ная мелкие расходы в сумме — 13.00
Железнодорож. расх. — — — — — 154.84
Поч. телегр. и содерж. — — — — — 114.44
Мелкие расходы по возвр. — — — — — 13.00
Итого — — — — — 282.28
Общий приход — — — — — 312.60
Общий расход — — — — — 282.28
Остаток — — — — — 30.32
Которые были переданы местной груп-
пе,

КОЛИЧЕСТВО ДОКЛАДОВ.

Алб-н — — — — — 1 доклад
Тор-то — — — — — 1 "
Гом-он — — — — — 1 "
Кич-р — — — — — 1 "
Вел-нд — — — — — 2 "
Тор-ад — — — — — 3 "
Форд — — — — — 1 "
Роч-ер — — — — — 3 "
Сиракуз, Ютика, Ром ничего не до-
злось. Сант Томас, Лондон, Нер-
Фолс по необходимости проезжал
Нью И. — — — — — 2 "
Ел-ет — — — — — 2 "
Нуарк — — — — — 1 "
Бри-дрт — — — — — 3 "
Нью-Гев. — — — — — 2 "
Гард-рд — — — — — 1 "
Мер-ен — — — — — 2 "
Вот-ри — — — — — 1 "
Анс-ия — — — — — 2 "
Фил-ия — — — — — 1 "
Шенадор — — — — — 2 "
Бет-гем — — — — — 1 "
Мек-рок — — — — — 2 "
Унив-ал — — — — — 1 "
Эмв-дж — — — — — 2 "
Нью-Кеста — — — — — 2 "
Юнгс-ун — — — — — 1 "
Акрон — — — — — 1 "
Всего прочитано 43 доклада
Арнадий